

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ПОКА ТЫ ВЕРИШЬ

Annotation

После смерти родителей Эбигейл вынуждена жить у дяди — вора и скупщика краденного. Время от времени девушке приходится выполнять сомнительные поручения, и однажды она попадает в полицейскую облаву. Но вместо тюремной камеры Эби оказывается в доме чудаковатого мага, увлекающегося механикой. Удача?

Удача — дама капризная. Попугает рычащим в подвале зверем, подсунет назойливого поклонника, поманит надеждой на счастье, а после отвернется. И придется Эбигейл разгадывать тайну последнего изобретения хозяина, рискуя стать разменной монетой в играх спецслужб.

Ирина Сергеевна Шевченко

Пока ты веришь

*Все обязательно получится.
Главное, в это верить.
Ведь пока ты веришь,
для тебя нет ничего невозможного.*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Шевченко И. С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

В камере было сыро и душно. От стен несло плесенью, а от бесстыжих размалеванных девиц — дешевыми духами, потом и табаком.

Эбигейл в очередной раз поморщилась и уткнулась носом в рукав.

Угораздило же ее оказаться на улице во время облавы. Теперь попробуй докажи, что ты не с этими, а по своим делам шла.

Да и по каким делам? Не скажешь же, что один вор попросил другому вору записочку снести?

Записку Эби съела. На пустой желудок хорошо пошло. Если оправдаться не выйдет, пусть лучше ее за потаскуху примут, чем все дядькины дела разом навесят. Она ведь никогда ничего — так, письмецо передать или в ломбард что снести. Курта прошлым летом за такое на семь лет упекли. Сказали, пособник, и значит, по всей строгости закона. А со шлюхами, поди, и закон поласковее.

— В первый раз? — спросил кто-то низким прокуренным голосом.

Эби исподлобья поглядела на подсевшую к ней рыжую бабенку, тощую и сухую, что вяленая вобла. Еще и глазища навывкате — ну точь-в-точь.

— В первый.

Разговор заводить не хотелось, но кто знает, как эта рыбина на молчание отреагирует. Шлюхи — народ пакостный, Эби их в Освине достаточно повидала. Одной еще можно рот заткнуть, а то и послать куда подальше, но когда вместе собираются, лучше не нарываться. А тут их под два десятка набралось.

— Что-то я тебя раньше не видела, — прокашляла рыжая. Взглядом ощупала всю, а платье, судя по жадно блеснувшим глазам, мысленно стянула и на себя примерила.

— Я не местная. Случайно попала.

Слова вырвались сами собой, и Эби поздно поняла, как сглупила: «не местных» освинские красотки на своих улицах не жаловали. Считай, сама «вобле» повод дала, и та его не упустила.

— Ах ты ж курва, — зашипела тут же. — Случайно, говоришь?

И собиралась уже когтями Эби в лицо вцепиться. А лица жалко. И платье новое — бязевое, зеленое, в мелкую полоску: на ткань полгода откладывала, еще неделю на работу потратила. Не снимут, так порвут точно.

Такой развязки Эби дожидаться не стала. Оттолкнула рыжую, кинулась к решетке и вцепилась в прутья.

— Дяденьки, миленькие, помогите! — заголосила на всю холодную. — Помогите, родименькие!

Потаскухи от нее, как от малахольной, шарахнулись и в дальнем углу сбились. И «вобла» с ними.

— Чего разоралась? — Толстый охранник подошел к решетке и сердито махнул на Эби дубинкой.

— Помогите, дяденька, — взмолилась она. Глазки сделала жалобные-жалобные и присела чуть-чуть, чтобы на пузана снизу вверх глядеть. Матушка, земля ей пухом, дольше полминуты такого взгляда не выдерживала.

— Чем помочь-то? — потеплел толстяк. Дубинку за спину убрал.

— Заберите меня отсюда, — заскулила Эби. — Я ж ведь не с ними, дяденька. Я себе по улице шла, а тут налетели, схватили, в фургон затолкали. — Она быстро-быстро захлопала ресницами и понизила голос до шепота: — Они же ведь, сказать страшно, рас-пут-ные! Глядите, как вырядились да разукрасились. Нельзя мне с ними в одном месте, дяденька.

Тюремщик отступил на шаг от решетки и поглядел, словно приценивался. Эби хлюпнула носом и потупилась. Пусть себе смотрит. Может, и не красавица, и помяли ее в сутолоке, но с соседками по камере не сравнить. У тех профессия на лбу крупными буквами написана. И не только на лбу: что сзади, что спереди глянь — не ошибешься. А она не такая. Волосы чистые, в косу сплетены и шпильками на затылке подобраны. Зубы крепкие, белые. Ногти ровные, без черных полосок грязи, без кричащего лака. Платье опять же приличное.

— Ладно, — сжалился охранник. — В соседней камере посидишь до утра.

— А утром что? — спросила она робко. Выскочила в приоткрывшуюся дверцу и показала «вобле» язык.

— Суд. Там и разберутся, с этими ты или не с этими.

В новой камере, тесной, темной и еще более душной, чем та, в которой остались развеселые девицы, помимо Эби, сидела только грязная жирная крыса. Она пряталась в соломе под рваным тюфяком, а когда заскрипел засов, выглянула полюбоваться, кто там пожаловал.

Крыс девушка не боялась — эти твари, как и шлюхи, поодиночке не страшны, — но на всякий случай подобрала подол и забралась на лавку с ногами. Свернулась калачиком, прижалась к стене и задремала, игнорируя и недовольное урчание желудка, за весь день получившего только смятую бумажку с дядькиными каракулями, и крики раздосадованных ее уходом потаскух. Утро вечера мудренее.

— Эбигейл Гроу. Три месяца общественных работ!

И никакого разбирательства. Судья лишь мельком глянул в ее сторону и тут же зачитал приговор. А ведь она и историю сочинить успела про то, как к гадалке шла, на суженого погадать, а что в ночное время — так стыдно среди бела дня...

— Не задерживай! — Суровый пристав толкнул девушку в спину. — Следующая!

Эби хотела возмутиться, но вовремя поняла, что, кроме новых тычков и затрещин, ничего не добьется. Для господ-чистоплюев одно то, что она из Освина, — доказательство вины. Раз живет там, значит, либо проститутка, либо воровка. И подтвердить, что она — девушка порядочная, работающая, некому: из всей родни только дядька остался, а у того у самого рыльце в пушку.

Но общественные работы — это не так уж и страшно. Улицы мести пошлют или на вокзал — сортиры драить. Шлюх и попрошайек обычно таким наказывали, да еще малолеток, которые в первый раз на мелком воровстве погорели.

В комнатке рядом с залом суда на Эби надели тонкий браслетик из белого металла.

— Надумаешь сбежать, найдем, — сухо предупредил худой крючконосый мужчина в черной мантии, записывая выбитый на браслете номерок в толстую книгу. — А не найдем, через три дня сама прибежишь.

И так неласково поглядел, что Эби сбежать зареклась. А хоть бы и сортиры. Лишь бы покормили сперва. Девкам в камеру поутру воды принесли и по пайке хлеба, а про нее забыли, хоть ту крысу жри!

От голода уже начинало мутить, и все вокруг виделось как в тумане. Коридор длинный, люди какие-то, все на одно лицо. Всех осужденных вместе с Эби построили в шеренгу и

повели куда-то. Кто-то ударил кулаком в спину. Больно, но она смолчала. После на подол наступили. Девушка обернулась и увидела позади себя давешнюю «воблу».

— Что ж ты вчера так рано ушла, красавица? — прошипела та и погрозила шилом, вытасненным из складок потасканного, как и она сама, платья.

Ткнет в бок — никто и не поймет, что случилось.

Эби шарахнулась от рыжей, вырвалась вперед, отпихнула какую-то девицу, еще одну, вылетела из строя и с разбегу уткнулась носом в атласный лацкан богатого сюртука.

Едва не сбитый с ног господин, солидного вида брюнет лет сорока пяти, вместо того чтобы наорать на нее или оттолкнуть обратно к арестанткам, придержал испуганно сжавшуюся девушку за локоть, окинул цепким взглядом сквозь желтые стекла очков и, задумчиво пощипав себя за бороду, обернулся к топтавшемуся рядом с ним полицейскому.

— Вот эту и возьму.

— Воля ваша. — Полицейский достал связку ключиков, выискал один, сверил с номерком на ее браслете и отдал бородачу. — Пожалуйста, мэтр.

Мэтр? Маг? За свои восемнадцать лет Эби ни разу так близко мага не видела. Зато слыхала об этой братии предостаточно. И ничего хорошего. Хуже их, как дядька говорил, только технари.

— Пошли. — Бородатый кивнул в сторону, противоположную той, куда вели приговоренных к общественным работам проституток.

...О сортирах думалось уже с нежной тоской...

— Идем, как тебя...

— Эбигейл, — тихо представилась девушка.

— Эбигейл, — повторил мужчина и удовлетворенно хмыкнул, словно, окажись она какой-нибудь Сарой или Мартой, его это не устроило бы. — Ну что ж, Эбигейл, карета подана.

Соврал. Никакой кареты и в помине не было. У ступеней окружного суда стояла самоходная повозка, вроде той, что Курт показывал ей как-то на фотографии в газете, и Эби поняла, что жизнь кончена. Ладно бы просто маг. Или просто технарь. Нет, ей попался маг-технарь — существа страшнее по всей Линкарре не сыщешь.

— Забирайся, — приказал бородатый, махнув рукой на заднее сиденье, а сам устроился впереди и схватился за привинченный к длинному штырю бублик.

Самоходка зарычала, забулькало в большом черном котле, и выведенная назад труба со злым шипением выплюнула облачко дыма.

— Я на это не сяду, — попятившись, затрясла головой Эби. Страх перед железным монстром оказался сильнее страха перед его хозяином.

— Значит, следом побежишь, — заявил маг, показывая ей заветный ключик.

Девушка с горестным стоном подобрала юбки, вскарабкалась на подножку и шлепнулась на сиденье. Негромко рычащее чудовище словно только этого и ждало: взвыло, дернулось и с жутким ревом помчалось по улице.

Куда ее завезли, Эби понятия не имела. Во-первых, город она знала плохо: за все три года, что жила с дядькой в Салджворте, видела только порт да примыкавшие к нему улочки Освина. А во-вторых, едва самоходка сорвалась с места, зажмурилась и не открывала глаз до тех пор, пока проклятая махина не остановилась. Только когда повозку перестало трясти и гул двигателя заглох, девушка нашла в себе силы осмотреться.

Она успела придумать жуткую башню посреди заброшенного кладбища и немного удивилась, обнаружив, что оказалась в приличном и, очевидно, небедном районе. Вдоль широкой, гладко вымощенной дороги высились столбы фонарей и росли деревца с шарообразными кронами, тротуары тут шириной не уступали некоторым портовым улочкам, а дома не выходили фасадами на улицу, а прятались за оградами в глубине зеленых подворий.

Жилище мага не было исключением. От калитки в высокой каменной изгороди к небольшому двухэтажному особняку вела посыпанная мелким гравием дорожка, по обе стороны от которой благоухали пестрые клумбы. Мешался с ароматом цветов терпкий запах высаженных рядком пихт. Порхали яркие бабочки. Щебетали птицы. Эбигейл подспудно все еще ожидала чего-то зловещего, а оттого подмечала каждую мелочь. Застывший в отсутствие ветра флюгер на крыше. Аккуратный газон перед крыльцом. Кресло-качалка на открытой террасе, оплетенной побегами дикого винограда и ползучей розы. Уводящая за угол дома тропинка.

Сам дом добротный, кирпичный. Цоколь серым песчаником облицован. Окна высокие. Стекла прозрачные, цельные, никаких тебе мелких переборок. И ставен нет. Только на первом этаже три окна слева от входа зарешечены.

Эби подумала, что туда ее и упекут, за решетки, но после дикой тряски, еще и натошак, эта мысль почти не пугала.

— Забыл представиться, — уже на крыльце спохватился маг. — Мэтр Дориан Лленас. Обращайся ко мне «мэтр Дориан». Можно — «господин Дориан». «Господин» или «мэтр», если тебе сложно запоминать имена. Но чтобы никаких «ваше мажество» я не слышал. Ясно?

Дождавшись кивка, мэтр Дориан распахнул дверь.

Внутри оказалось не страшнее, чем снаружи.

Перед Эби предстал большой светлый холл. Закрученная пружиной лестница с резными перильцами светлого дерева, в тон блестящему от мастики паркету, вела на второй этаж. А три массивные двустворчатые двери — неизвестно куда.

— Для начала покажу тебе дом, — сказал маг.

Эби подумала, что для начала неплохо бы узнать, зачем она здесь, и съесть хоть что-нибудь (дверь напротив той, к которой звал ее господин Дориан, определенно вела в кухню, и доносившиеся оттуда запахи заставили желудок сжаться в болезненный комок), но спорить с хозяином она, конечно же, не стала.

— Это гостиная.

Большая. Мебель удобная.

— Здесь библиотека.

Книг видимо-невидимо. Не врут, стало быть, когда говорят, что маги по триста лет живут, — обычному человеку столько за всю его обычную жизнь не прочесть.

— Тут курительная комната и выход на террасу.

Курительная. А почему бы прямо на террасе не курить?

— На втором этаже спальни, — указал маг на лестницу, когда они вернулись в холл, — гардеробная и мини-обсерватория.

Мини... что?

— Тут столовая и кухня.

В животе у Эби заурчало, но мэтр Дориан если и слышал этот звук, значения ему не придал.

— Сюда, — указал он на третью дверь, — без моего разрешения тебе заходить категорически запрещено.

Это туда, где окна с решетками? Ну и не надо!

— Но сейчас я разрешаю.

Маг взялся за круглую ручку и повернул влево. Послышался треск. Затем вправо — снова треск. И опять влево.

— Тут специальный замок. С секретом.

После очередного прокручивания дверь отворилась, и вошедшая вслед за хозяином девушка замерла на пороге.

До сего дня ее знакомство с механизмами ограничивалось старыми напольными часами, стоявшими в дядькиной комнате. По пятницам Эби вытирала их от пыли, страшась задеть тонкие дрожащие стрелки и раскачивавшийся из стороны в сторону маятник, чтобы, не приведи Творец, не сбить выставленное время.

Сейчас ей казалось, что коварный маг уменьшил ее до размера мухи и забросил в те самые часы.

Под потолком просторного зала вращались вокруг большого светящегося шара серебристые сферы разных размеров. А сам зал был уставлен разнообразными устройствами непонятного назначения.

Крутились, цепляя друг друга, зазубренные медные колеса.

Шипели, ерзая туда-сюда, поршни.

Раздувались мехи.

Воздух здесь пропах керосином и машинным маслом, и Эбигейл, с голоду, не иначе, эти запахи показались невероятно аппетитными, едва ли не лучше тех, что просачивались из-под двери в кухню.

И так вкусно булькало что-то в круглой прозрачной посудине...

— Это — моя лаборатория, — сказал маг.

Лаб-ра-тория. Наверху, то, которое «мини», тоже «тория».

Эби почти осмелилась спросить, что все эти «тории» означают, как замороженно блуждающий по механической комнате взгляд встретился с пустыми глазницами белесого черепа. К черепу прилагалось и все остальное. В смысле кости. Длинный хребет. Решетка ребер. Руки и ноги. Вернее, то, что некогда ими было.

Эби медленно сглотнула и поняла, что уже не голодна.

Но на вопрос хозяину, поборов приступ тошноты, все же отважилась.

— Простите, мэтр Дориан. — Робкий голосок с трудом пробивался сквозь треск и шипение механизмов. — Зачем я здесь?

— Разве я не сказал? Нет? — Маг подергал себя за бороду, словно пытался выщипнуть блестящие в смоляном окладе серебряные ниточки. — Понимаешь ли, э-э-э, Эбигейл, город задолжал мне за некоторые мои изобретения. И поскольку муниципальная казна сейчас пуста, мне предложили принять долг частями. В том числе девушками.

Девушки. Частями.

У Эби перед глазами поплыли разноцветные круги. Вспомнилось, как папаша Курта, мясник, учил наследника правильно разделывать тушу.

— По ряду причин я не содержу постоянную прислугу, поэтому решил принять это предложение. В конце концов, даже аристократы не гнушаются бесплатными работницами по приговору. А в доме явно недостает женских рук.

Смысл сказанного доходил до Эби медленно. Сперва, в свете уже надуманного, она представила, что руки ей отрежут в первую очередь, но потом в замороченной голове прояснилось, и девушка с облегчением вздохнула.

— Пойдем, — позвал мэтр Дориан. — Покажу, где ты будешь жить.

Расположенная рядом с кухней комнатуха была не больше той, что выделил Эби в своем доме дядька. Но чистенькая, с огромным окном и кроватью, на которую тут же захотелось улечься. Пол, не паркетный, как в хозяйских комнатах, а дощатый, застелен выцветшим ковриком. У стены — платяной шкаф, а рядом с ним узкая дверца.

— Там уборная, — разъяснил маг. — Воду не экономя, резервуар наполняется автоматически. Мылом тоже пренебрегать не стоит. Сейчас приведешь себя в порядок и переоденешься. Новые вещи найдешь в шкафу. Затем обговорим условия твоего пребывания в моем доме.

Уборная оказалась небольшой каморкой, снабженной загадочными приспособлениями. Но рядом с каждым из них висела картинка-инструкция, и Эбигейл легко разобралась, что привинченная к стене полукруглая фаянсовая миска и гнутый огрызок медной трубки с вентилем — это умывальник, а если стать ногами в квадратное корытце и потянуть вниз длинный рычажок, из широкого дырчатого раструба, такого же, как на садовых лейках, на голову тебе польется вода. Тут даже нужник имелся! Прежде Эби не верила, что богатеи зимой зад на дворе не морозят, а прямо в доме справляются, но теперь убедилась. Разве только она картинку неверно поняла, и нарисованный человечек присел на пузатую белую вазу, чтобы подумать о жизни.

На пустой желудок не думалось. Выполняя инструкцию, Эби потянула за шнурок, и омывшая вазу вода унеслась по гулким трубам вместе с обрывками путаных мыслей.

Да и что тут лоб морщить? Приговор был? Был. Три месяца работать на город, так? Так. А город мэтру денег задолжал. Вот и расплачивайся, Эбигейл Гроу, за чужие долги, а там и твои простятся.

Девушка достала из шкафа одежду.

Очевидно, мэтр Дориан опасался, как бы временная работница не притащила в дом какую заразу, и потому заготовил впрок все, вплоть до белья.

Эби смутилась поначалу: подобные вещи она покупала или шила себе сама, и от мысли, что придется надеть нечто, выбранное посторонним мужчиной, делалось не по себе. Но, с другой стороны, мэтр, даром что маг и технарь в придачу, производил впечатление человека порядочного. А одежда вся была просто чудо! Сорочка из невесомой ткани. Панталоны батистовые. Белоснежная нижняя юбка. Даже платье унылого серого цвета, наглухо застегивавшееся под горло, качеством ткани и работы намного превосходило то радостно-зеленое, которым еще вчера Эби так гордилась.

Хотя серый — не ее цвет. Пусть сукно и не дешевое, и скроено ладно, вряд ли ей такое пойдет.

Не повезло Эби родиться красавицей из тех, которым все к лицу: широкие скулы, большой рот (как у жабы, говаривал дядька, когда был не в духе), нос крупноват, мелкая россыпь бледных веснушек. Во всем ее облике выделялись только большие ярко-карие глаза под пушистыми темными ресницами и длинные каштановые волосы. Ну и фигурой вроде как природа не обидела.

Но в сером...

«Зеленый лучше», — решила она, пряча свое платье в шкаф до окончания срока.

Под лейку лезть не стала, так обмылась. Расчесалась. В маленьком шкафчике с зеркалом на дверце нашлись и щетка, и гребни, и шпильки с лентами. Собрала волосы, переделалась в новое. И только тут задумалась, каким чудом все вещи пришли ей впору. Даже туфли, что стояли на нижней полке, — тютелька в тютельку.

— Эбигейл! — Сердитый голос мэтра Дориана не оставил времени на раздумья. — Ты заставляешь себя ждать.

Не желая гневить хозяина, она кинулась к двери. Зацепилась за завернувшийся край коврика и чуть не упала. А злополучный половик, смявшись, съехал под кровать, открывая несколько рядов глубоких царапин на светлой древесине и мелкие бурые пятнышки рядом.

Опустившись на корточки, Эби коснулась кончиками пальцев темных бороздок. Словно кто-то скреб пол ногтями...

— Эбигейл!

Девушка поправила коврик и вышла.

Мэтр Дориан ждал в коридоре. Махнул рукой, веля Эби следовать за ним, прошел через холл в гостиную, уселся в кресло и только тогда соизволил рассмотреть в струнку вытянувшуюся перед ним работницу. Верно, остался доволен, потому как ничего по поводу ее вида не сказал, а принялся, загибая пальцы, перечислять обещанные «условия пребывания»:

— Находиться тебе можно лишь в доме и во дворе. На улицу браслет тебя не выпустит, но лучше и не пытаться.

— ...Все вещи должны оставаться на своих местах. Если тебе понадобится передвинуть вазу, чтобы вытереть пыль, после ты должна поставить все, как было. Если покажется, что что-то упало и валяется, прежде чем это поднять, спроси меня.

— ...Убирать на втором этаже придется не чаще одного раза в неделю. В обсерватории — раз в месяц. Главное, следи за порядком в гостиной и в библиотеке.

— ...Готовит мне приходящий повар, но мытье посуды и уборка в кухне на тебе.

— ...Если звонят в дверь — открываешь, здороваешься и тут же отвечаешь, что мэтра Дориана нет дома. Те, кому я рад, обычно входят сами. Поэтому не пугайся, если увидишь незнакомого человека, ни о чем не спрашивай и не путайся под ногами.

Тут пальцы на руке у него закончились, вторую использовать он не подумал или не захотел и продолжил уже безо всяких загибаний:

— ...По утрам я пью кофе. Тебе придется научиться его готовить. Вернее, включать кофейный аппарат.

— ...Живых цветов в комнатах не терплю. Пусть растут в саду.

— ...Когда я в лаборатории, беспокоить меня можно лишь в случае пожара, войны или землетрясения. Впрочем, землетрясение я почувствую. А война... До тех пор, пока в дом не начнут ломиться солдаты вражеской армии, тоже не стоит. Остается пожар.

— ...Иногда в сад забредает полосатая серая кошка. Можешь ее покормить. Но не кота. Кот рыжий и наглый, а его хозяйка — набитая дура. Гнать в шею.

— ...Раз в неделю приходит садовник. Его тоже можешь покормить, но, как правило, он отказывается.

— ...Продукты хранятся на кухне в холодильном шкафу. Ни в коем случае не ставь туда ничего горячего, подожди, пока остынет. Сама бери все, что захочется, если проголодаешься.

После этой фразы Эби слушала уже не так внимательно. И так понятно, что работа ее ждет несложная и во многом привычная.

— ...Но главной твоей обязанностью будет следить за Джеком.

Ребенок? Или речь о больном родственнике?

Оказалось, ни то ни другое.

За объяснением пришлось идти в закрытую на секретный замок «торию».

Едва переступив порог, девушка нашла взглядом голый человеческий остов и тут же отвернулась, дав себе зарок в ту сторону не смотреть. Уж лучше под ноги. Или на шары над головой.

— Ничего не трогай, — велел мэтр Дориан. — Я отлучусь за Джеком.

Он скрылся за широкой белой перегородкой в дальней части зала, а Эбигейл осталась топтаться на месте, сцепив в замок шаловливые ручки, вопреки приказу хозяина и собственным страхам девушки тянувшиеся к блестящим рычажкам, разноцветным бутылочкам и прозрачным, похожим на мыльные пузыри шарикам.

— Если заорешь — выпорю, — появился из-за ширмы маг. — А разобьешь что-нибудь, будешь отрабатывать до конца жизни. Лучше бы выйти, но уже... Ладно.

Предупреждение Эби озадачило: у нее и в мыслях не было орать и крушить тут все. Но ведь мэтр Дориан не стал бы грозить ей без причин? Или стал бы? Девушка не знала и на всякий случай крепче сцепила руки и прикусила губу.

— Джек! — позвал хозяин.

Из-за перегородки показался высокий широкоплечий мужчина в черном костюме вроде тех, что носят конторские служащие: прямые брюки, короткий пиджак, белая манишка. Шел он медленно, тяжело переставляя ноги, и пока преодолел разделявший их десяток шагов, Эби успела рассмотреть его всего, от густой темной шевелюры до начищенных до блеска ботинок, и надолго задержала взгляд на сером неподвижном лице с неестественно большими глазами.

Когда он подошел на расстояние вытянутой руки, и Эби взглянула в эти глаза вблизи, и правда захотелось вскрикнуть. Но она помнила о порке и молчала, явственно чувствуя, как шевелятся у нее на голове волосы. И седеют, наверное.

— Вот, это — Джек, — сказал мэтр Дориан. — Судя по тому, что ты не упала в обморок, вы подружитесь.

В обмороки благородные девицы падают, а такие, как Эби, бьют коленкой промеж ног и дают стрекача. Однако сдавалось ей, садани она Джека ногою в пах, тот и не шелохнулся бы.

— Не нужно бояться, — улыбнулся снисходительно маг. — Джек, что бы ты себе ни придумала, не монстр и не упырь.

— А похож, — пробормотала девушка. Тихо, но мажье ухо чуткое — услышал.

— Ты раньше упырей видела? — Черная бровь изогнулась, приподнявшись.

— В книжке читала.

— Грамоте обучена? — И вторая бровь наверх поползла. — Редкость для... хм... Но это хорошо. Пригодится. Когда-нибудь. Что касается Джека, то, как я уже сказал, он не ходячий мертвец. Он вообще не мертвец, ибо живым никогда не был. И не будет. Джек — искусственное создание, механический человек. Правда, двигателем его является магия, так как иные системы слишком велики для его тела и малоэффективны, но в остальном — чистая механика.

Слушала Эбигейл невнимательно. Металлический скелет, шарнирные соединения, чехол из свиной кожи, балансировка, ртутный уровень... Редкость для «хм»! Никакая она не «хм», между прочим! Читать ее отец выучил, а отец у Эби, храни Творец его душу, аптекарем был!

Уважаемым человеком. И матушка — женщина честная... была. А вот дядька, брат матушкин, сволочь последняя. Только и родич он у Эби тоже последний, и идти ей, сироте, от него некуда. Три года уже в Освине этом вонючем! А теперь второй день ее за потаскуху держат. Нет чтобы покормить хотя бы!

— Ты слушаешь? Эбигейл!

— Слушаю, — буркнула девушка. И, вспомнив, что перед ней маг, с поспешной почтительностью добавила: — Мэтр Дориан.

— Ежедневно я буду запускать Джека и проводить ряд испытаний, а после этого он переходит под твою ответственность. Скажем, часа на два. Двигается он пока неважно, моторика не развита, центр равновесия не до конца сбалансирован... В общем, иногда он падает. Но не волнуйся, Джек отнюдь не хрупкий. В отличие от других вещей в этом доме. Посему твоя задача следить за тем, чтобы разрушения были минимальными.

— Не лучше ли выпускать его в сад? — осмелилась предложить Эби.

Магу такое простое решение в голову, похоже, не приходило.

— На первых порах можно и в сад, — согласился он. — Но после ему все же придется осваиваться в доме. Джек задуман как идеальный слуга, и я планирую многому его обучить, когда отлажу вестибулярную функцию. И гулять в саду он все равно будет с тобой, так что... Дотронься до него.

— Зачем? — Эби спрятала руки за спину.

— Чтобы показать мне, что ты его не боишься.

— А если боюсь? — девушка отступила на шаг.

— Тогда представь, что Джек — это кукла. У тебя были в детстве куклы? Вот, такая большая кукла-мальчик.

Кукол у нее в детстве было немало, но к тому времени, как она в Освине оказалась, всего одна осталась — старая, тряпичная. Страшненькая, только Эби ее все одно любила.

И Джек страшненький. Кожа, свиная которая, скроена неважно, на щеках обвисает. Глаза жуткие. А плечо твердое. Сильное. Эби только раз пальчиком ткнула, но почувствовала. И грудь крепкая.

— Постучи ему по голове, — предложил хозяин.

Как будто мысли ее прочел.

Эбигейл собралась с духом и легонько стукнула костяшками пальцев по высокому лбу. Послышался гулкий звук.

— Безмозглый, — шепотом заключила девушка.

— Не скажи, — отозвался мэтр Дориан. — Джек — наилучшее из всего, что создано в Линкарре, а возможно, и во всем мире. И он лишь прототип. Сейчас я работаю над его, скажем так, младшими братьями, Майклом и Робертом.

— С ними мне тоже придется гулять? — забыв о приличиях, воскликнула Эби.

Маг негромко рассмеялся:

— Нет, с ними не придется. Когда я усовершенствую Джека, внесу необходимые изменения и в их конструкцию. А твой срок к тому времени закончится.

Три месяца. В чистом богатом доме. В новом платье. И с большой механической куклой. Не так уж плохо.

То ли мэтр Дориан умел читать мысли, то ли угадал их по ее лицу, но стоило Эби смириться с неизбежным, как и маг расслабленно выдохнул.

— Я знал, что ты мне подойдешь.

Мимолетная улыбка потерялась в густой бороде, и мужчина вновь сделался серьезен, но Эбигейл заметила эту секундную перемену. Подумалось, что не так уж он страшен.

— Откуда знали? — вырвалось, прежде чем она успела опять испугаться. — И вещи — все как на меня шито.

Любопытство — не порок. А повод свернуть башку, как любил добавлять дядька.

Но мэтр Дориан ничего ей сворачивать не собирался.

— Вещи? — переспросил он. — Тут все просто. Вряд ли тебе что-то скажет имя мастера Дирье, но я руководствуюсь его исследованиями в работе. Так вот, мастер Дирье рассчитал идеальные параметры человеческого тела, мужского и женского. Пропорциональное соотношение длины конечностей и длины туловища, размер ноги, объем груди, талии и бедер. Почти все те же мерки, что снимает портной. Я заказал одежду, исходя из того, что стану выбирать работниц стандартного типа, среднего роста, нормального сложения.

Иного ответа от мэтра-технаря и ждать не стоило.

Нормальные люди работниц по умениям оценивают, а не по «параметрам». И непонятно, идеальные они у Эби или все-таки стандартные.

— И много у вас уже работниц было? — наконец осмелела девушка.

— Ты — седьмая. Семь — мое счастливое число, и я был уверен, что на этот раз мне повезет.

— А раньше не везло?

— Катастрофически! — признался разговарившийся маг. — Первая вообще отказалась сесть в паромобиль.

— Ей пришлось бежать следом?

— Нет, конечно. Даже тренированный бегун не способен бежать со скоростью свыше десяти миль в час, а паромобиль разгоняется до двадцати восьми. Пришлось вернуть трусиху, а через два дня прийти за новой кандидаткой.

Эби мысленно отметила, что не все угрозы мэтра Дориана следует принимать всерьез.

— Вторая прокатилась, кажется, не без удовольствия и вообще была девицей неробкой, но, увы, не знала элементарных правил приличия и учиться не желала.

«Ничего удивительного, учитывая, среди кого мэтр подыскивал себе прислугу», — подумала Эбигейл.

— Четвертая оказалась больна. Медицина — не моя специальность, но язвочки на шее, которые я сразу не заметил, были весьма специфические.

Эби передернуло. Знала она, чем болеют девицы в Освине... Да чем они только не болеют! Зачесалось. Везде и сразу. Захотелось содрать платье и все, что под ним, и забраться под мажью лейку.

— Не волнуйся, одежды, что на тебе, никто прежде не надевал, — понял, из-за чего она разволновалась, хозяин. — Ту даму я сразу отправил обратно. Пятой не понравился Джек. Лаборатория несильно пострадала, но было неприятно. А шестую я взял, уже зная, что подойдет мне только седьмая, — просто чтобы не затягивать процесс очередности событий. Вышел с ней из суда, тут же вернулся, сказал, что она мне не подходит. И ты сама бросилась ко мне. Это судьба, я считаю.

В судьбу Эби тоже верила, но не до такой степени. А маги, говорят, все прибабахнутые.

— Простите, мэтр Дориан, а что с третьей девушкой?

— Что?

— Вы пропустили третью.

— Разве? А ведь верно.

Маг дернул себя за бороду. Как Эбигейл успела заметить, это было у него чем-то вроде дурной привычки. Кто-то ногти грызет, кто-то в носу ковыряется, а мэтр знай бороду прореживает.

Пользуясь замешательством, в которое мага привел ее вопрос, девушка рассмотрела его как следует. До этого не решалась глядеть прямо, все вскользь. Только и заметила что ту самую бороду, густую, но аккуратно подстриженную, черные с проседью волосы и прожигающие до нутра глаза. Ну и что высокий еще. И не хлипкий. Сейчас увидела тонкий нос с горбинкой и резко очерченными ноздрями. Высокий лоб. Острые скулы. Тонкие лучики морщинок, потянувшиеся от уголков чуть раскосых глаз к вискам, и две глубокие складки между бровями. Полные жесткие губы. Как Салма-цветочница сказала бы, интересный мужчина. Но с прибабахом — однозначно.

— Не помню, — заявил он, убив на размышления не меньше минуты. — И вообще, заболтался я с тобой. Значит, обедать пора. Натошак я бываю словоохотлив.

«Я тоже», — хотела добавить Эби, но по ставшему отчужденным взгляду хозяина поняла, что его запас доброго расположения к ней на сегодня исчерпан.

— Джек, возвращайся на место! — приказал он позабытому в разговоре созданию.

Механический человек медленно развернулся и побрел за ширму. Эбигейл показалось, что она слышит за звуком тяжелых шагов скрип металлических суставов.

— Думаю, ты захочешь отдохнуть и освоиться, — сказал маг девушке. — До завтра у тебя в делах только посуда. А с утра займешься остальным, но распредели время так, чтобы с двенадцати и до двух не отвлекаться ни на что, кроме Джека.

Покинув «торию», Эби вернулась в выделенную ей комнату. Хотелось, конечно, заглянуть на кухню, но там, судя по доносившимся звукам, еще возился приходящий повар, которого упоминал господин Дориан.

Через полчаса маг позвонил. Эби не поняла, откуда слышится невидимый колокольчик, но сразу догадалась, что ее зовут. Стоило выйти из комнаты, как звук отчетливо указал — в столовую.

— Убрать, перемыть, — коротко велел хозяин, указав на стол.

Повар пробыл в доме долго, и девушка ожидала, что трапеза мага будет состоять минимум из десятка блюд, но пустая тарелка была всего одна, если не считать маленького хлебного блюдца. Зато вилок на постеленной поверх темной скатерти молочно-белой салфетке лежало сразу три. И два ножа. И две ложки. Но, кроме одной вилки, все приборы были чистыми. Как и два разной высоты фужера из трех, стоявших на столе. Мэтр Дориан за обедом пил лишь из одного. Воду, судя по запаху. Но Эбигейл честно перемыла все. Не тяжело ведь, да и удобно: на мажьей кухне, как и в уборной, вода текла прямо из трубы и в трубу же утекала.

Управившись с посудой, она с чистой, как свежeweымытые тарелки, совестью кинулась к холодильному шкафу, отличавшемуся от обычных широкими металлическими дверцами.

Взгляд сразу же уперся в блюдо с запеченным окороком. Возможно, стоило проявить скромность и выбрать что-то другое, но ведь хозяин сам разрешил ей брать все, что пожелается, и никто его за язык не тянул.

Справившись с заполнившей рот слюной, Эби вытащила блюдо на стол. Хотела взять нож, но вдруг взбрело в голову схватиться за голый мосол и вгрызться в окорок зубами, как

красноносый моряк на вывеске портового трактира.

Девушка с трудом подняла увесистый кусок, отряхнула застывший жир, потянула ко рту и тут, к ужасу своему, увидела стоящего в дверях мэтра Дориана.

Окорок вернулся на блюдо, а Эби, неотвратимо краснея, потупила взор.

— Мне кажется, я видела в саду полосатую кошку, — пролепетала она. — Хотела покормить, как вы и говорили.

Мэтр поглядел в окно, потом на окорок, на Эби и снова на окорок.

— Полосатая кошка, которая в состоянии съесть такой кусок, называется тигр, — сказал он серьезно.

Развернулся и вышел, оставив девушку наедине с вожаженным мясом. Аромат запеченной с горчицей и пряностями свинины быстро разогнал остатки неловкости, и через минуту Эби уже всю работала челюстями, при этом совсем по-кошачьи урча от удовольствия. Или по-тигриному.

Мэтр Дориан Лленас был человеком серьезным, истинным адептом науки и верным сыном закона. Но некоторые его поступки выглядели весьма эксцентрично. Например, отказ от экипажа в пользу громоздкой, шумной и, по мнению многих, неэстетичной самоходной тележки. Не объяснять же каждому, что ежедневные испытания паромобилия, замаскированные под деловые и развлекательные поездки, — необходимая часть работы по усовершенствованию изобретения с целью превратить дорогостоящую диковинку в удобный и доступный транспорт? Не поймут. Не захотят понять. Даже коллеги — что из магического сообщества, что из технического университета. Осмеют, отмахнутся, пустятся в длительные диспуты, доказывая, в чем он не прав. Кто из вредности, кто из зависти. Кто — банально от скуки. Но большинство — от общей заскорузлости ума, твердо убежденные в незыблемости износившихся за века норм и в собственной правоте.

Собратьев по магическому дару Лленас еще мог понять. Страсть к переменам иссякла в их породе триста лет назад, когда общими усилиями Пяти Академий была остановлена Двадцатилетняя война и вместе с Карлом Безумным, последним королем-магом, ликвидирована монархия в Линкарре. Избавившись от власти короны и заложив основу парламентской республики, одаренные более не стремились к новшествам. Да и какое им дело до того, ездят горожане в каретах или в паромобилиях, когда сами они перемещаются в основном посредством сети порталов?

Но от инженерной коллегии мэтр Дориан ожидал иного отношения и был удивлен, что технари, как зовут их в народе, отвергли большую часть его идей. Причина проста: дорого. Вот паромобиль. Зачем он, когда есть паровозы и пароходы, вполне окупаемые за счет перевозки большого количества людей и соответствующих цен на билеты? А в качестве личного транспорта и традиционный экипаж вполне подойдет, особенно после установки новейших рессорных подвесок.

И слуги пусть себе будут живые, так привычнее. И дешевле опять же.

В принципе, мэтр Лленас ничего не имел против живых слуг, но в его доме данная категория свободных граждан республики Линкарра надолго не задерживалась. Наниматель должен создать соответствующие условия для работника или обозначить возможные неудобства при заключении контракта, и пункты вроде «взрыв», «самовоспламенение» и «вероятность спонтанных трансформаций под воздействием измененного энергетического фона» в отсутствие дополнительного материального стимула не воодушевляли потенциальных горничных и дворецких.

А Джек требовал серьезной доработки — то есть времени и средств.

Во времени Дориан, уйдя с кафедры прикладной механики, ограничен не был. А чтобы найти средства, пришлось браться за частные и муниципальные заказы. Знакомые-маги приходили в негодование от того, что он, магистр третьей степени посвящения, возится с проржавевшим механизмом башенных часов. А технари... Сказать честно, их с самого начала раздражало, что одаренный сунулся в механику, и далее, за что бы он ни взялся, по умолчанию заслуживал порицания.

Нет, он был не единственным магом-техником в Линкарре. Но он был самым известным магом-техником Салджворта — второго по величине и влиянию города республики, где по соседству с одной из Пяти Академий расположился Государственный технический

университет, и известен был в основном непрактичностью своих изобретений. С учетом этого и упомянутой уже ограниченности в финансах не было ничего удивительного в том, что мэтр Лленас не смог найти помощника, на которого можно было бы возложить даже самую простую обязанность — присматривать за Джеком, пока тот будет отрабатывать двигательные навыки.

И тут поступило в чем-то странное, но весьма удачное предложение от городского совета: работница по приговору. Лленас вновь показал себя сумасбродом, решившись привести в дом осужденную проститутку, еще и перебирал «товар», отыскивая подходящую.

— Что же там с третьей? — спросил он у себя, оторвавшись от решения шахматной задачи.

После обеда мозг нуждался в разминке. И вообще, как выяснилось, нуждался.

Мэтр не привык держать в голове ненужную информацию и легко от нее избавлялся, освобождая место для новых знаний и идей, но забыть целого человека — такого с ним еще не было.

— Что, если у меня приключился припадок, я убил ее, а тело закопал в саду?

Припадков за ним не водилось, мысль о возможном убийстве возникла под впечатлением от недавно прочитанной книги, но, начав с этого абсурдного предположения, маг надеялся вспомнить, что же произошло на самом деле.

— Я убил ее, — повторил он, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. — А тело спрятал в шкаф.

Лленас не числился завзятым садоводом и плохо представлял себя с лопатой в руках, а потому первоначальная версия претерпела некоторые изменения.

— Спрятал в шкаф и выбросил из памяти. Возможно?

— Никак нет, — ответил робкий голосок, прозвучавший не из глубин сознания, а от двери в библиотеку.

Эбигейл. Ее зовут Эбигейл. Хотя это не забыть.

— Почему? — спросил маг с интересом, жестом приглашая мнущуюся на пороге девицу войти.

— Запах пошел бы, — ответила она, не глядя ему в глаза. — Трупы они всегда... А вот если все-таки в саду...

— Нет, — решительно отмел этот вариант Дориан. — Закопать, возможно, еще сумел бы, но не привести в порядок лужайку.

— Это хорошо, — пятась обратно к двери, пробормотала Эбигейл. — Значит, третью вернули, как и остальных. Не подошла чем-то.

Занятная особа.

Маг видел, что она испугана его беседой с самим собой о вероятном преступлении, но тем не менее не смолчала и привела неопровержимые доказательства его невиновности. Впрочем, в глазах магистерского трибунала неопровержимыми они не были бы. Есть плетения, препятствующие разложению, есть такие, что создают вокруг объекта непроницаемый купол и не дают распространяться ни звукам, ни запахам. Но версия с убийством с самого начала была бредом. Нужно меньше читать перед сном новомодных остросюжетных романов и впредь не излагать свои умозаключения вслух, помня, что в доме теперь есть лишняя пара ушей — красных ушей, зардевшихся от смущения.

— Я пойду? — с надеждой спросила девушка, отступив еще на шаг.

— Нет. Зачем-то же ты пришла?

— Вы сказали следить за порядком, и я хотела спросить, где у вас тряпки и швабры... и остальное...

Обычно уборкой в доме занимались работницы, которых раз в неделю присылало агентство. Лленас подумал, что следует отписать управляющему и отказаться от их услуг, пока есть Эбигейл. Правда, работа по хозяйству — непривычный для нее род деятельности. Но ведь это в какой-то мере — неотъемлемая часть женской природы. Все они так или иначе управляются по дому, готовят и штопают белье. Все в какой-то степени шлюхи.

— В шахматы играешь? — спросил маг.

Сам он мог бы разъяснить ход мыслей, приведший к этому вопросу... Начиная с того, что вот уже неделю живет добровольным затворником, отгородившись от всех на время решающей фазы эксперимента, заканчивая тем, что изучение человеческой физиологии и эмоциональной составляющей для создания полноценного в своем облике и поведении механического слуги подвигало на исследования привычек и образа жизни самых разных людей. Еще и треклятая задача! Мат за пять ходов при данном положении фигур казался нереальным. Но для девушки его интерес стал полнейшей неожиданностью.

— Нет, — ответила она, справившись с удивлением. — Знаю только, как фигуры ходят.

— Уже что-то, — одобрительно кивнул мэтр, мыслями возвращаясь к нерешенной загадке на доске. — Можешь идти. Швабры и все остальное в чулане рядом с задней дверью.

Изобразив неуклюжий книксен, девица поспешила к выходу.

— А что кошка? — спросил он, вспомнив. — Сумела расправиться с окороком?

Эбигейл застыла в дверях, не оборачиваясь. Уши, не скрытые собранными в скромную прическу волосами, снова вспыхнули.

— Нет, — пролепетала она. — Я отрезала ей кусочек... кусок. И дала немного молока.

— Замечательно.

Значит, холодильный шкаф работает исправно. Молоко куплено позавчера и еще не скисло, мясо лежит четвертый день. Ежедневно повар получал список блюд, которые следовало приготовить, а Лленас отмечал максимальный и минимальный срок хранения различных продуктов. Когда у него будет достаточно данных, можно попробовать протолкнуть идею в массовое производство.

Мэтр Дориан поглядел на доску с неразрешимой задачей, затем — воровато — по сторонам. Сдвинул туру на одну клетку и поставил невидимому сопернику мат всего за три хода!

После обеда — шахматы. После шахмат — прогулка на свежем воздухе.

Лленас старательно соблюдал разработанный им самим график. Если не жалеть себя, проводя все время в лаборатории, даже магический дар не спасет от переутомления.

Нужно беречь здоровье.

Гулять.

Ходить пешком.

Неплохо бы заняться гимнастикой, но...

Гулять — и этого хватит.

Застегнув сюртук и захватив в прихожей трость, мэтр Дориан вышел за дверь. Взглянул на часы, засекая время. Сегодня он ездил за новой работницей — это тоже приравнивается к отдыху. Значит, следует сократить время прогулки.

Маг ступил на дорожку.

Опираясь на трость, неспешно обошел овальную клумбу с настурциями, глубоко

вдохнул, медленно шумно выдохнул и вернулся в дом.

Теперь можно браться за работу.

В лаборатории не мешало бы прибраться: на отдельных столах и полках с давно не востребуемым оборудованием лежал слой пыли, пол хранил следы грязных ботинок, а на стеклах мутнели разводы. Но больше всего хозяйина волновала пыль. При работе с тонкими и точными механизмами она превращалась в серьезную проблему. И практически неразрешимую. Самому браться за тряпку не по рангу; впустить наемных работниц — поставить под угрозу плоды кропотливого труда. Впустить и контролировать каждое действие? Это, пожалуй, выход. Но Лленас привычно отложил решение вопроса до лучших времен.

Надев халат, маг прошел в ту часть помещения, где сейчас велась основная работа. Огороженный белой ширмой угол он еще мог содержать в чистоте: не поспешил и приобрел зачарованный пылесборник. Жаль, на всю лабораторию его мощности не хватало, а у самого создавать подобные вещи не получалось — специализация не та.

— Ну-с, господа, — обратился он к стоявшим в рядок механическим людям. — Приступим.

Мэтр потер руки, снял и отложил в сторону перстень из белого золота с квадратной агатовой печатью.

Давно минули времена, когда в качестве проводников и стабилизаторов силы использовали тяжелые магические жезлы, а то и посохи (извечное заблуждение, будто размер имеет значение), а магини пытались перещеголять друг друга красотой инкрустированных драгоценными камнями волшебных палочек. Теперь в употреблении более удобные предметы: кулоны, броши, булавки, браслеты. Те же кольца. Попробуй определи, какая из блестящих побрякушек — та самая. Не то чтобы маги всерьез опасались лишиться силы вместе с вещью-проводником, все это сказки. Для вора кража артефакта чревата плачевными последствиями: как правило, подобные предметы зачарованы на такой случай. Если нет, то в чужих руках они становились обычными украшениями, и маг ничего не терял, кроме денег и времени на создание нового проводника, но на это время становился слаб и незащищен, практически как обыкновенный человек, а потому каждый одаренный старался обезопасить себя от подобной напасти.

Вот и кольцо мэтра Лленаса, по сути, единственная драгоценность, которую он носил не снимая, многие считали его «жезлом». А между тем смекалистый маг еще на последнем курсе академии создал для себя другой предмет. Простой серебряный диск, размером не больше мелкой монеты, показался ему замечательным решением. Во-первых, серебро, особенно в затраченных количествах, — это не так дорого, и происходивший из знатного, но обедневшего рода студия в состоянии был себе его позволить, а во-вторых, металл чистый, имеющий даже целебные свойства, и можно безбоязненно вшить его под кожу, в ладонь.

Вряд ли Дориан Лленас единственный, кому пришла в голову подобная идея, но среди одаренных по понятным причинам такое не обсуждалось, и знаменитый салджвортский чародей и изобретатель вот уже третье десятилетие молча гордился своей находчивостью.

Большим пальцем левой руки мэтр помассировал правую ладонь в том месте, где едва заметно белел старый шрам и прощупывался заветный диск. Сосредоточился и навел руку на одно из своих созданий.

— Повелеваю тебе... — начал он громко и торжественно.

Затем огляделся, словно не знал, что тут нет и быть не могло свидетелей этого недостойного ученого мужа паясничества, и смущенно откашлялся. Снова, теперь уже без слов, направил ладонь на Джека — работал он до поры лишь с этим экземпляром.

Ни Лленасу, ни кому другому пока не удалось изобрести движитель, достаточно компактный для искусственного тела. Но даже с подобным движителем Джек был бы лишь куклой: ходил бы по прямой, покуда его не развернут, поднимал бы руки и поворачивал голову, когда хозяин переключает выведенные наружу рычажки. А магия не только давала энергию для движения, но и наполняла действия искусственного человека смыслом.

Пока техник Лленас работал над подвижностью искусственного тела, мэтр Дориан составлял формулы «оживляющих» заклинаний. Взяв за основу древние знания о создании големов, маг многократно усложнил и без того непростое плетение, чтобы максимально приблизить поведение механического человека к естественному для людей обычных. Нельзя было упустить ни одной мелочи. Порог? Поднять ногу и переступить. Преграда? Обойти. Или все же убрать? Оказалось, что в разных ситуациях одна и та же цель достигается разными средствами. В итоге удалось составить формулу, которая дорабатывала и совершенствовала бы самое себя. Основа заклинания, записанная на восемь идеальных кристаллов, вставленных в рамку из янтаря, помещалась рядом с другим, более крупным кристаллом, служащим источником питания, в груди Джека. Словно новорожденный ребенок, механический человек учился узнавать мир, и каждое новое знание записывалось в соответствующую ячейку магической решетки. И, как и ребенок, он нуждался в няньке.

Но это — завтра. Сегодня мэтр Дориан дал Эбигейл время осмотреться, а сам планировал поработать над механической составляющей. В идеале искусственное тело должно превосходить человеческое по гибкости, подвижности и выносливости, и маг, точнее, в данном случае — техник, изо всех сил к этому идеалу стремился.

Выходило пока не очень. При первом же шаге, двинувшись слишком резко, Джек едва не упал, а взмахнув рукой, больно стукнул подбежавшего помочь изобретателя по лбу.

— Нужно поработать над волокном для мышц и тканью покрытия, — простонал, потирая место наметившейся шишки, мученик науки. — Чтобы мягче как-то...

Джек обернулся на голос. Темные линзы, заменявшие ему глаза, даже создателя порой ужасали. А ведь предмет, по сути, декоративный. Можно у кукольников заказать по размерам. Голубые или карие. Почему бы нет?

Неизвестно, как долго мэтр Дориан работал бы, не произойди одно событие. А именно — закат. Солнце, во второй половине дня услужливо светившее в окна лаборатории, медленно опустилось и спряталось за крышу соседнего особняка. В дом прокрались сумерки.

Нужно зажечь лампы. Но перед этим, согласно неукоснительно соблюдаемому графику, поужинать.

Маг прошел на кухню. Служанку не звал: в еде он был неприхотлив, а к новейшему своему изобретению — машине для разогрева пищи — все равно никого не подпускал ввиду того, что устройство еще не прошло необходимых испытаний.

Заглянул в холодильный шкаф, раздумывая, какое блюдо проверить на сохранность, а заодно и съесть. Отметил, что кошка не побрезговала позавчерашним соте из баклажанов, а следовательно, его проверять уже не надо. Как и запеканку с лососем. А вот телячьи почки... О нет, тоже не стоит. Семь дней — перебор.

Маг остановил выбор на запеченном с сыром картофеле двухдневной давности и яичном салате, в виде исключения — свежем. А пока запустится разогревающая машина (процесс небыстрый), решил выпить чашечку кофе и все же позвал Эбигейл, чтобы показать той, как пользоваться кофейным аппаратом.

Что девица она неглупая, мэтр Лленас уже понял, но тем не менее разъяснял в мельчайших подробностях:

— В этот резервуар наливается вода. Сюда засыпаются зерна. При повороте вот этого колеса включается мельница, и в эту вот чашу ссыпается уже молотый кофе. Затем ты опускаешь этот рычаг. Отметки «один», «два» и «три» указывают на количество порций. В данном случае выставаем «один». Потом этот рычаг поднимаешь вверх до упора. Необходимое количество кофе и воды отправляется в латунную емкость, а ты поворачиваешь вот эту ручку, и механическое колесико с кремневой крошкой дает искру, от которой зажигается спиртовая горелка. Устройство учитывает плотность и количество жидкости, а также теплоотдачу емкости, и в установленный срок вот эта крышечка накроет горелку и огонь потухнет, после чего напиток можно разливать по чашкам...

— Ой, мамочки! — вырвалось у девушки.

— Не запомнила? — вздохнул маг.

Он приготовился повторить все сначала, но Эбигейл замотала головой:

— Запомнила. Только мороки много, когда тут дел-то всего... Ой!

Она умолкла и вжала голову в плечи, словно ожидала, что сейчас ее станут ругать.

— Договаривай, — приказал маг.

— Колесики эти... И рычажки. Долго больно. Кофе можно в ручной мельнице помолоть, видела тут у вас. Зерна перед тем на сковороде прокалить, даже если они уже жареные, — вкуснее будет. И на спиртовке сварить, чтобы плиту не растапливать. Можно еще пряностей добавить. Кардамон или корицу. Гвоздику. Машина же не добавляет? А можно со сливками и с миндалем.

Она так вкусно рассказывала, что в самом деле захотелось чего-нибудь такого. Чтобы с корицей. Или с миндалем. И пирожное со сливочным кремом или булочку с мармеладом...

— Ты умеешь варить такой кофе? — спросил мэтр Дориан с сомнением.

— Умею, — ответила девушка, не поднимая головы.

— Ну так... вари. Принесешь в гостиную.

Он поглядел на тихо гудящую разогревающую машину. Пока закипит вода в нижней камере, пока пойдет через решетку пар... И вся еда потом с привкусом железа.

— После разогреешь запеканку и накроешь в столовой, — приказал он работнице.

Если уж кофе готовить умеет, то и с этим справится.

А над машиной еще думать надо.

— Все, что ни делается, — к лучшему, — прошептала Эби, забираясь под покрывало. Эти слова много лет заменяли ей вечернюю молитву. А иногда и утреннюю. И ведь помогало. Не всегда, но порой помогало.

Вчера облава, сегодня суд, приговор, страшный маг... А вышло, что жить ей три месяца в хорошем доме, есть досыта и спать на мягкой постели...

Девушка сладко потянулась и зажмурилась. Давно она на такой не спала. Четвертый год уже.

При жизни родителей все было иначе. Был дом в Грислее, небольшом городке в тридцати милях от Салджворта. Была аптечная лавка отца, единственная на весь город. Эби нравилось приходить туда, нравился запах лекарственных трав и то, как булькают, меняя цвет, жидкости в пузатых колбах, и все эти пузырьки с микстурами и баночки с мазями. Она даже хотела помогать отцу в его работе, но тот говорил, что не женское это дело, и отсылал домой, к матери, заниматься делами женскими и дожидаться его с работы. Ходил он всегда напрямик, через пустырь, где лет двадцать как собирались заложить новый храм. Летом там все зарастало высокой травой, и цвели васильки и колокольчики. Отец обязательно набирал пышный букет. А зимой... Той зимой, когда Эби исполнилось тринадцать, он заболел воспалением легких. Сгорел всего за неделю. Людей на похороны собралось — почитай, весь городок. Знали отца многие, уважали. На кладбище проводили, а после в кабак пошли, помянуть. Стопка за стопкой... Эби точно не знала, как все было, она-то ведь домой с матерью вернулась, плакали обе... А те, что в кабаке, обсуждали промеж собой... Ну и дообсуждались до того, что где это видано, чтобы аптекарь — и от воспаления. Значит, никудышный аптекарь был, раз самого себя вылечить не сумел. А коль себе не помог, то еще подумать надо, что за микстуры он для других готовил. Всех умерших за десять лет вспомнили. Эль, вино и самогон ядреный хорошо на такого рода память действуют, особенно когда вперемешку... А к утру уже аптека пылала. Так и не нашли, кто поджег. Только стыдно было потом многим, так стыдно, что от Эби с матерью на другую сторону мостовой сбегали...

У мамы после того с сердцем плохо сделалось. А аптеки в Грислее уже не осталось, чтоб лекарства купить. Вот они и уехали оттуда в деревню к деду, материному отцу.

До того, как все случилось, Эби в деревне нравилось: лесок, речка. Это когда на недельку приезжаешь и знаешь, что скоро домой вернешься. А чтобы жить... Овец доить. А они вонючие — страх. И молоко невкусное. Только сыр, соленный такой, ничего. А еще стричь их, шерсть чесать. После пряхть... Но пряхть Эби так и не научилась. Деда паралич разбил, левая половина тела совсем не слушалась, и лицо перекошило. Решили отару соседям продать. И землю тоже — все равно работать на ней некому. Дядька приехал. Эбигейл его до этого всего пару раз видела, они с отцом не ладили, и мама брата не то чтобы сильно любила. Может, когда он еще маленьким был. А как вырос и в Салджворт подался, испортился. Если навевывался, то только денег попросить...

А мама через месяц после того, как деда схоронили, за ним следом отправилась. И не ждал никто. Вроде не так плохо ей было, планы строила, думала, куда отцовское наследство вложить. Знай твердила дочери, что все, что ни делается, — к лучшему.

И Эби так себе говорила. Не видела, конечно, ничего хорошего, в том, что сиротой

осталась, но надеялась, когда с дядькой уезжала, что в Салджворте жизнь к ней доброй стороной обернется. А оказалась в Освине — самом что ни есть дурном районе. Тут уже к другой жизни приспособливаться нужно было. Чтобы и за себя постоять, и человеком остаться. Отец так учил, что главное — всегда человеком оставаться. Правда, Эби тогда не понимала, как это. Все ведь люди, у всех по две руки, по две ноги, голова одна... Только у некоторых не тем забита, а у иных и вовсе пустая. Как у Курта, например. Неплохой ведь парень был, и отец его мясную лавку держал, не бедствовали. А Курт все равно на легкие деньги польстился. Стал на дядьку работать. По мелочи вроде: записку отнести, пакет забрать. На мелочи и погорел. А дядька на его место Эби пристроил. Сказал, отрабатывать надо то, что получаешь. Будто много она от него видела. А за то, что имела, с лихвой расплачивалась: дом в порядке держала, есть готовила, покупки все на ней были. И дружков его терпела. Лапу этого. Так-то он Март, но лапищи и правда здоровенные. Распускал еще. Но Эби к тому времени уже многого в Освине набралась. Могла и отшить, а могла и ботинком под коленку ударить... и не только под коленку. А помогать дядьке в его делишках отказать не смогла. Боялась, что на улицу выгонит. Или, того хуже, в бордель продаст. Он как напивался, бывало, грозился... Только и тогда, когда она стала писульки его носить, а то и краденое скупщикам, дядька все равно недовольный был. Как увидит ее, так и заводит, что перестарок уже, а все на его шее сидит, что другая уже б мужика нашла или сама зарабатывала. Эби стала шитье на дом брать — какие-никакие деньги, а он все кривится...

От пришедшей внезапно мысли девушка подскочила на кровати.

А что, если дядька вчера специально ее на ночь глядя из дома выставил? Знал про облаву и избавиться решил? Ведь не возьми ее мэтр Дориан к себе, в тюрьме за три месяца много чего случиться могло.

— Все, что ни делается, все к лучшему, — шепотом повторила Эбигейл.

Потянула носом, вдыхая шедший от наволочки тонкий аромат лаванды, закрыла глаза... И тут же открыла, услышав какой-то звук. Будто рычание откуда-то снизу, словно в подвале притаился свирепый зверь. Вспомнились скрытые ковриком царапины на полу...

Прислушалась: тихо. Значит, показалось.

Может, тут и подвала никакого нет.

Утро для Эби началось с чашечки кофе. Вернее, с двух: первую выпил мэтр Дориан, а вторую — тайком от хозяина — сама девушка. Маг пил сладкий, такой сладкий, что Эбигейл, глядя, как он кладет в чашку сахар ложку за ложкой, прикусила язык — уж очень хотелось, позабыв о страхе и почтении, предупредить, что так и слипнуться кое-где может.

— Сладкое стимулирует активность мозга, — пояснил мужчина, заметив ее взгляд.

Мозг он свой, судя по всему, крайне ценил и всячески баловал, потому к кофе затребовал себе сдобную булку с клубничным джемом.

А Эби решила, что ей и с неактивным мозгом неплохо. Кофе она выпила без сахара, как с детства привыкла (отец говорил, что только так настоящий вкус поймешь, что кофе, что чая на травах), а вместо булки с джемом ломоть хлеба маслом намазала и куском сыра накрыла.

— Я буду в лаборатории, — предупредил хозяин. — А ты займи себя чем-нибудь до полудня.

С двенадцати и до двух часов дня ей предстояло гулять с Джеком. Жутковато, конечно. Страшный он. Неживой такой. Но все же в саду, где цветочки цветут, птички поют, дорожки аккуратненькие. А не по освинским улицам, когда только и глядишь, чтоб не вступить куда.

Да и Джек, поди, руки распускать не станет.

Чтобы занять себя, как велели, Эби прибрала в гостиной. Полочки от пыли протерла, накидки на креслах поправила. Много ли в доме грязи от одного человека? К тому же он в основном в ла-бо-ра-тории своей сидит.

Затем пришел господин Блэйн, повар.

Эби прежде думала, что настоящие повара все толстые, румяные, в накрахмаленных белых колпаках. А этот — худой, как щепка, бледный. И колпака не носит.

— Зачем мне? — улыбнулся он, когда Эби решилась спросить. — Колпак ведь на кухне для того надевают, чтобы волос в стряпню не натрусить.

И погладил ладонью блестящую лысину.

Хороший он был, веселый. Если бы не пришло время механического человека выгуливать, девушка так на кухне и осталась бы, пока рулет с грибами запечется.

А с Джеком оказалось скучно.

Но уже хоть не страшно.

Бродишь себе между клумбами и под деревьями, следишь, чтобы «кукла» по цветам не топталась. Объясняешь ему, как маленькому, что ходить только по дорожке можно. Мэтр Дориан сказал, что Джек все понимает. По крайней мере, про клумбы понял.

Ступал он медленно, неуверенно. Поворачивал трудно. И все время молчал.

От этого молчания, разбавленного звуком неуклюжих шагов, Эбигейл становилось все больше и больше не по себе, и она заговорила сама:

— Розы не трогай, они колючие.

Будто этому чучелу механическому взбредет в его безмозглую голову роз нарвать. Или ему больно будет, если наколется.

— Чувствуешь, как пахнут?

Конечно, не чувствовал. А Эби уткнулась носом в пышный белый цветок и с наслаждением вдохнула аромат.

— Ветер сегодня. Флюгер, гляди, как пляшет.

Джек завертел головой, не понимая, чего от него хотят.

Господин Дориан предупреждал давать ему только простые задания. Как ребенку. Но с ребенком можно просто сюсюкаться, рассказывать сказки. Ребенок, даже не понимая значения слов, догадается — по голосу, по интонации, по выражению лица.

— Чурбан, — выдохнула с досадой девушка.

Намается мэтр со своей игрушкой. Мало что безмозглый, так еще и бесчувственный. Чему такого научишь?

Следующий день стал полным повторением предыдущего. И следующий. И следующий...

Она варила кофе, мыла посуду, вытирала пыль, гуляла с Джеком и скучала.

Лучшим временем были те полчаса, которые удавалось провести в компании господина Блэйна. Эби стыдилась рассказывать, кто она и как попала в этот дом, но повар и не расспрашивал. Зато о себе выболтал все без утайки. Женат, двое деток, третьего ждут. Жилье хотят побольше прикупить, благо средства имеются. Он ведь в богатых домах работает, за хорошие деньги. А уж навидался за годы такого...

Эби приходилось зажимать рот ладошкой, чтобы ее смех не достиг хозяйских ушей, когда повар рассказывал, какие чудачки есть среди его клиентов. Куда там мэтру Дориану с

его механизмами, разговорами о трупах в шкафах и прогулками вокруг клумб.

Например, одна дама мазала лицо сметаной. Говорят, полезно: кожу отбеливает, морщинки разглаживает. Только эта в сметане целыми днями ходила, господин Блэйн за все время, что ей готовил, так ее лица и не видел. С раннего утра уже салфетку на грудь повяжет, намажется и расхаживает по дому. А за ней гуськом — пять кошек: любят, видать, сметанку.

Прохаживаясь потом с Джеком в саду, Эби пересказала механическому кавалеру, как звала его в шутку, все, что слышала от повара. Но тот, конечно же, ничего забавного в ее рассказах не находил...

На четвертый день пребывания Эбигейл в доме мага к хозяину наведлся гость. Как господин Дориан и говорил, сам вошел, без звонка. Эби думала, что мэтр занят в лаборатории, и решила побродить по комнатам. Тряпку взяла для отвода глаз — будто пыль вытирает. А хозяин на самом деле не в железках копался, а в библиотеке сидел. И не один.

— Координация, говоришь, у него нарушена? — донесся из-за закрытых дверей незнакомый мужской голос.

— Да, — отвечал маг. — Месяц бьюсь, но причины так и не нашел.

Говорили они, как Эби поняла, о Джеке.

— Причина, — протянул чужак. — Причин, друг мой, может быть много. Ты сказал, что хочешь заказать ему новые глаза, чтобы придать более презентабельный вид? То есть органы зрения как таковые у него отсутствуют. Как же он видит?

— Это часть матричного заклинания. Джек получает информацию об окружении в радиусе ста ярдов.

— Значит, он вынужден сначала обработать эту информацию, определить свое местоположение в пространстве и на плоскости...

Эби слышала звук, какой бывает, когда кто-то бьет себя ладонью по лбу.

— Слушай, а ты прав! — радостно вскричал мэтр Дориан. — Как я сам не подумал? Ведь если прочие рефлексy у него приближены к человеческим...

Подслушивать нехорошо, и девушка, для порядка смахнув пыль с маленького круглого столика, ушла к себе. Главное она слышала: у Джека будут новые глаза.

В конце недели хозяина посетил уже не гость, а гостья.

Услыхав, как открылась входная дверь, Эбигейл выглянула в холл и увидела даму в богатом синем платье. Лицо незнакомки скрывала густая вуаль, приколотая к маленькой черной шляпке, непостижимым образом державшейся на собранных в высокую прическу волосах цвета беленого льна, но отчего-то и сомнений не возникало, что гостья чудо как хороша. В голове не укладывалось, что у обладательницы осиной талии, высокой груди, изящных рук и длинной белой шеи может иметься какой-нибудь изъян.

Заметив Эби, женщина, судя по движению головы, бегло осмотрела ее с головы до ног, хмыкнула и, стуча каблучками, взбежала по лестнице на второй этаж. А Эбигейл, вспомнив, что ей велено не путаться под ногами, пошла на кухню и взяла себе из холодильного шкафа большой кусок пирога с мясом.

Незнакомка ушла через час.

Вскоре после этого зазвенел колокольчик-невидимка, и хозяин потребовал кофе в гостиную.

Когда Эби принесла поднос, мэтр Дориан сидел в кресле у окна. Сюртук он где-то оставил, рубашку застегнул неправильно, пропустив одну пуговицу, да и весь вид у него был категорически нерабочий. Но, выпив кофе, он пошел в лабораторию и не выходил оттуда до

позднего вечера.

А ночью под полом опять кто-то рычал. Теперь совершенно точно.

О том, что подвал здесь есть, Эби уже знала. Туда вела расположенная напротив кухни дверка. Совсем рядом...

Впрочем, с рассветом страхи улетучились. После трех лет в Освине оказаться в доме мэтра Дориана было невиданной удачей, и, готовя на кухне кофе или гуляя по саду с механическим человеком, Эби боялась уже не неведомого монстра, а окончания срока приговора, когда ей придется вернуться к дядьке.

А монстр... После обеда мэтр спустился в подвал с двумя огромными бутылками, наполненными какой-то жидкостью, а когда поднялся, бутылки были уже пустые.

Наверное, покормил, и зверь не станет пугать ее ночами голодным рыком...

— Господин Дориан!

Кабы чудище его самого не съело!

Принесли какой-то пакет, а Эби на такие случаи указаний не давали. Оставить в холле? Нести в библиотеку? Или на кухню — вдруг там что съестное?

А хозяин пропал.

И, самое странное, дверь в лабораторию открытой бросил. Обычно всегда на секретный замок запирался.

— Господин Дориан! — еще раз позвала девушка и, не дождавшись ответа, набралась смелости заглянуть в святая святых.

С первого ее посещения ничего здесь не изменилось. Те же шары под потолком, вращающиеся колесики и скелет у стены. А у другой стены на кушетке, которая в тот раз пустовала, лежал Джек. От гудящего металлического ящика к искусственному телу тянулись провода, а на голове механического человека был закреплен стальной обруч.

Что-то в облике «кавалера» показалось Эби странным, и она, забыв о запретах, вошла в лабораторию и приблизилась к кушетке.

Не Джек.

Волосы тоже темные. Фигурой похож, но тоньше немного, изящнее. И лицо лучше сделано, кожа не висит. Цвет, правда, все равно неважный: серость мертвецкая проступает. Губы тонкие, бледные. Щеки впалые — видно, сильно кожу натянули. Зато ресницы есть.

— Ты Роберт или Майкл? — шепотом спросила Эбигейл, припомнив имена «младших братьев» механического приятеля.

Как и ожидалось, новое создание мэтра Дориана ничего не ответило.

Эби ткнула его пальцем в грудь. Твердая.

Постучала по лбу. Звук вышел не такой уж гулкий.

— А, — махнула рукой девушка. — Все равно безмозглый.

Механический человек вдруг открыл глаза, оказавшиеся янтарно-карими, и процедил сквозь зубы:

— Сама такая.

Портал из спальни в лабораторию мэтр Дориан проложил давно. Жилище мага без телепортационных переходов — все равно что трактир без выпивки или театр без сцены. Правда, ходить господин Лленас все равно предпочитал по лестнице: портал получился так себе, точка выхода то и дело смещалась на несколько градусов, а в лаборатории ценное оборудование, и лучше пару минут потерять, чем сломать что-нибудь.

Но сейчас, услышав пронзительный женский визг, маг, ни секунды не задумываясь, активировал межпространственный проход. Повезло: вышел, где и предполагалось, ровно в центре рабочего помещения. Визг, за секунду до его появления прекратившийся, снова резанул по ушам.

— Эбигейл! — сердито выкрикнул мужчина, обнаружив источник раздражающего звука. — По какому поводу шум?

Девушка, узнав его, смолкла. Покраснела до корней волос и, опустив голову, указала пальцем на лежащего на кушетке молодого человека.

— Я думала, он механический. А он разговаривает.

Разговаривает — это плохо. Для правильной работы прибора пациент должен лежать неподвижно и хранить молчание.

— Разве я не запретил тебе сюда заходить?

— Пакет принесли, я не знала, что с ним делать, — тихо оправдалась работница.

— Этот пакет? — указал он на сверток, который девица прижимала к груди.

Она закивала, но отдавать посылку не спешила. Пришлось подойти и отобрать едва ли не силой.

К счастью, ничего хрупкого. Прислали заказ из кукольной мастерской — новые глаза для Джека.

— Можешь идти. Хотя нет. Это — господин Мерит, Эйден Мерит, — представил маг лежащего. — С сегодняшнего дня он будет жить в этом доме, и ты должна выполнять все его указания так же, как и мои. Теперь иди.

Исчезла Эбигейл так быстро, словно и у нее имелся свой портал.

Маг подошел к испытуемому. Перво-наперво проверил показания прибора. Настройки немного сбились, но общая картина получилась достаточно четкой.

— Долго мне еще лежать? — подал голос молодой человек.

Оставляемая чернильной стрелкой линия резко ушла вверх по бумажной ленте...

— Сейчас отключу, — пообещал Дориан. — Потерпите немного.

Он скрутил ленту с данными и убрал во внутренний карман сюртука. Затем, один за другим, отсоединил электроды.

— Можете вставать. И простите за Эбигейл, ей недостает воспитания.

— Я заметил. — Эйден поднялся, размял затекшие члены. — Назвала меня безмозглым. Не сильно и ошиблась, верно?

Влажные карие глаза с розовыми от полопавшихся сосудов белками глядели серьезно и требовательно.

Маг отвернулся.

— Данные неточные, — прогудел он в бороду. — Работа измерителя была нарушена.

— К демонам ваш прибор, Лленас! Мне ли не знать, как я себя чувствую? Да и в зеркало

смотрюсь иногда. Даже ваша служанка приняла меня за механическое чучелко... К слову, давно вы обзавелись прислугой?

— Эбигейл работает на меня по приговору суда, — признался Дориан, радуясь поводу сменить тему. — Это всего на три месяца. Неделя уже прошла.

— По приговору? — заинтересовался Эйден.

— Да. Проститутка из Освина.

— Мило, — хмыкнул молодой человек. — Продолжаете эпатировать высшее общество?

— Игнорировать — так точнее, — в свою очередь усмехнулся мэтр. — А Эбигейл для девицы ее профессии весьма чистоплотна, как я успел заметить, и готовит великолепный кофе.

— Не поверю, пока не попробую.

— Что ж, тогда прошу в гостиную. Или в библиотеку? Я приобрел несколько новых изданий, кое-что может вас заинтересовать.

— После, — покачал головой Мерит. — Я ведь задержусь у вас, так что успею. Сколько у меня времени?

— Достаточно, — уверенно ответил маг.

Для того чтобы прочитать пару книг — вполне хватит.

Эйден Мерит умер за минуту до своего рождения.

Акушерка, приняв измазанного кровью младенчика, вздохнула, взглянув в синюшное личико с приоткрытым беззубым ртом, смотала, понимая всю тщетность сего действия, туго обвившую шею ребенка пуповину и, отложив неподвижное тельце, вернулась к роженице — ту еще можно было спасти.

Но судьба решила иначе.

«Я так истово молился о чуде, — скажет Эйдену в день его одиннадцатилетия отец, — так желал, чтобы Творец возвратил мне тебя, что совсем позабыл о твоей несчастной матери».

Он никогда не был особо набожен, его отец, но в то, что наследник вернулся к жизни его молитвами, верил искренне. Как и в то, что виновен в смерти жены, обойдя ее в этих молитвах. И часть вины, осознанно или нет, переложил на сына.

Эйден не помнил мать. Но он и отца почти не помнил.

Чудесно воскресшего младенца отдали на попечение няnek и кормилиц. После появились учителя. Родитель регулярно справлялся о его успехах через слуг. Слал подарки, также со слугами, когда от его рабочего кабинета до комнаты Эйдена было лишь десять шагов по коридору.

Тот разговор в свой одиннадцатый день рождения юный Мерит запомнил не только из-за его содержания, но и потому, что это был едва ли не единственный случай, когда отец сказал ему больше привычных двух-трех слов...

«Твоя жизнь — величайшее чудо, — говорил он. — И прожить ее ты должен так, чтобы доказать, что чуда этого достоин».

Через неделю после этой беседы Мерит-старший заперся в своем кабинете, достал револьвер, сунул в рот ствол и спустил курок.

Записки он не оставил, но ходили упорные слухи о его связи с женой государственного прокурора, который, в свою очередь, готовился предъявить парламенту какие-то документы, компрометирующие депутата Мерита. Чуть ли не государственная измена. Тюрьма,

конфискация имущества...

Получалось, отец единственным нашедшимся на тот момент способом сохранил для наследника имя и состояние.

А Эйден его подвел. Оказался недостоин чуда.

Расплата не заставила себя ждать...

Когда мэтр Дориан, извинившись, вернулся в лабораторию, гость оказался предоставлен самому себе. Но его это не расстроило. В доме мага он знал каждую комнату. Одну — особенно.

За три года в ней многое изменилось. Исчезли решетки с окон, появилась новая кровать вместо той, расшатанной, с выпотрошенным матрасом. Обои другие.

А картинки в уборной остались. Забавные.

И пол вряд ли меняли.

Мерит откинул край старого ковра.

Коснулся рукой бороздок на гладком дереве.

Кажется, тысячу лет назад. Или только вчера.

Кровь.

Боль.

Страх и ненависть...

— Ой!

Дверь распахнулась, чуть не ударив стоявшего на коленях мужчину по лбу.

Эйден поправил ковер и поднялся. Поглядел вприщур на остановившуюся в дверях девуцу.

— Ну?

Кофе она в самом деле варила неплохой, но этого мало, чтобы простить вопиющую беспардонность, продемонстрированную при первой встрече.

— Простите, господин...

— Мерит.

— Да, господин Мерит. Но это — моя комната.

— Чушь. Это комната Дориана, как и все остальные в доме.

Служанка запнулась, не найдясь с ответом.

Правильно, пусть знает свое место.

Эйден ничего не имел против женщин подобного сорта в определенных обстоятельствах. Но в собственном доме? Дориан все же чудак.

Впрочем, эта умело притворялась скромной горничной. Девушка как девушка. Не урод, но и не красавица. Краснеет легко и тут же бледнеет, так что веснушки на скуластом лице кажутся темнее. Часто поправляет волосы, слишком густые и тяжелые, чтобы несколько шпилек могли их удержать. Прячет глаза под густыми длинными ресницами. А глаза у нее темные, цвета горького шоколада. И во взгляде проскальзывает горечь...

Да, не красавица. Но на такой тип непременно должны находиться любители. После ярких бабочек-однодневок и потасканных многоопытных шлюх — иллюзия чистоты и крепкое молодое тело.

Единственное, что в ней наводило на мысль о пороке, — большой рот и полные чувственные губы. Эйден представил, как она, выходя вечерами на улицу, красит их жирной коралловой помадой...

Странные мысли. Но Мерит хорошо понимал их природу. Чувствовал...

Чувствовал себя живым.

В последнее время это случалось с ним редко.

Он направился к выходу, но в дверях развернулся к провожавшей его растерянным взглядом служанке.

— Я поселился в зеленой спальне. Знаешь, где это? Придешь ровно в полночь. Платье снимешь заранее, не люблю возиться с крючками и завязками. И... распусти волосы...

Она хотела что-то сказать, но Эйден не стал слушать. Если об оплате, пусть не волнуется — не обидит. Но цену назначит сам.

Пока он лежал на кушетке, недвижимый и безмолвный, Эйден Мерит нравился Эби гораздо больше. А после того, что он сказал, девушка только и думала о том, как бы вернуть его в положение, занимаемое им при первой встрече.

Что-то тяжелое, несомненно, помогло бы, и будь перед Эбигейл не холеный господин в дорогом костюме, а какой-нибудь освинский прилипала, она недолго сомневалась бы.

Но тут нужно было другое решение.

И она его нашла.

— Как это понимать?

Не сказать, что на следующее утро господин Мерит был разгневан тем, что не дождался ее ночью. Скорее — удивлен. Он снизошел до того, чтобы пойти за Эби на кухню, когда после завтрака на террасе она собрала на поднос чашки и блюда. А у Эбигейл, не выспавшейся и злой из-за того, что до утра караулила, не надумает ли он сам явиться, не осталось сил бояться.

— Вам не понравился кофе? — спросила она со всей возможной почтительностью, но конец фразы смазался легким зевком.

— Мне не понравилось, что ты не выполнила моего распоряжения.

— Простите, господин Мерит, но мэтр Дориан приказал слушаться вас так же, как и его. А он мне подобных распоряжений не дает.

Молодой человек — Эби дала ему не более тридцати — насмешливо сощурился:

— Иначе говоря, моя просьба не входит в число твоих обязанностей?

— Совершенно верно, господин Мерит.

— А как насчет того, чтобы заработать привычным способом?

— Данный способ мне вовсе не привычен.

— Десять рейлов, — предложил он, пропустив ее слова.

Вряд ли освинские проститутки получали зараз столько, сколько Эби зарабатывала шитьем за две недели. А господин Эйден вряд ли когда-нибудь пользовался их услугами. Должно быть, назвал обычную цену какого-нибудь респектабельного борделя... Если бывают респектабельные бордели...

— Простите, господин Мерит. — Эби почувствовала, как краснеет, но ничего не могла с этим поделать. Зато могла другое. Под темным налетом трех последних лет, под прилипшей к ней грязью освинских улиц еще жила та девочка, которую отец заставлял перечитывать перед сном притчи из Священной книги, а матушка учила учтивому обращению. И коль нельзя послать высокородного наглеца куда подальше, нужно дать ему понять, что она не та, за кого ее принимают. — Полагаю, мэтр Дориан рассказал вам, как я попала в его дом, и вы сделали неверные выводы на мой счет. Да, я оказалась в тюрьме, так как находилась в неурочный час в неблагополучном районе, и по приговору суда, на котором мне не дали возможности

оправдаться, вынуждена отработать три месяца. Пусть это будет мне наказанием за легкомыслие. Но мое легкомыслие совсем иного рода, господин Эйден.

— Пятнадцать?

Слушал, понял, но отступать не желал. Возможно, не поверил.

— Я не торгую собой, — произнесла Эби четко.

— Двадцать?

— Я не проститутка, — повторила она, с трудом удерживаясь от того, чтобы повысить голос.

— Так даже интереснее. Двадцать пять? Чем ты занимаешься в своем Освине? Прачка? Кухарка? Уличная торговка? За три месяца ты успела бы что-то скопить, а теперь, по ошибке или нет, будешь работать бесплатно. Я предлагаю компенсировать вынужденные неудобства. Пятьдесят, и заканчиваем торг.

Пятьдесят рейлов. Будь у Эби такие деньги, она нашла бы комнатку, поближе к парку, где чище и публика поприличнее, и ушла бы от дядьки...

— Господин Эйден, — вымолвила она медленно, глядя не на него, а на свои сцепленные в замок руки. — Вы — человек благородный, и негоже вам делать подобные предложения порядочной девушке.

Развернулась и вышла за дверь, не задумываясь, как будет расценено столь неуважительное поведение.

Подобным образом Эйдена еще не отшивали. Вежливо, спокойно. Под конец еще и о приличиях напомнили. И кто? Какая-то... Ладно, не шлюха. Шлюха не откажется от пятидесяти рейлов. Но... забавно. Да, именно забавно.

А то, что не продается за пятьдесят рейлов, можно купить за сто. Или тысячу. Главное, что купить можно.

Господин Мерит не был стеснен в средствах и не имел нужды тратить их на что-либо, помимо удовлетворения своих желаний. Сейчас он желал узнать цену добродетели, теплой веснушчатой кожи и глаз цвета горького шоколада. Предел, за которым совесть замолкает в угоду алчности...

— Вы не заняты? — Мэтр Дориан застал гостя задумчиво обрывающим лепестки с цветов оплетавшей террасу розы и, видимо, стоял какое-то время за спиной, думая, удобно ли оторвать его от столь важного дела. — Мне нужна помощь.

— Все, что в моих силах, — с готовностью откликнулся Эйден.

— Вот! — Маг резко выставил вперед то, что до поры держал в опущенных руках, и молодой человек непроизвольно отшатнулся, увидев человеческую голову с широко распахнутыми глазами. — Как вам?

Мерит громко сглотнул, почувствовав, что галстук превратился в удавку.

— Это Джек, — подсказал Лленас. — Вернее, его часть. Я его... ее немного усовершенствовал. Обработал кожу специальным составом, чтобы улучшить эластичность. И, видите, глаза?

— М-да... весьма... — оценил, приходя в себя, Эйден.

Неудивительно, что Эбигейл перепутала их в первую встречу: съемная голова Джека при беглом взгляде мало чем отличалась от несъемной господина Мерита. Темные волосы, изогнутые брови, прямой нос, квадратный подбородок, тонкий, слабо подкрашенный рот. Но если присмотреться, сходство тут же терялось. Во-первых, новые глаза Джека были не

карими, а зелеными. А во-вторых, механический человек, как ни парадоксально, выглядел несколько живее Эйдена.

— Я и ресницы ему сделал! — похвастал мэтр. — Пришлось клеить по одной, чтобы выглядело естественно, но это не так утомительно, как кажется. Работа руками, однообразная, доведенная до автоматизма, оставляет простор для работы мысли, и пока я занимался внешним видом Джека, появилась идея по улучшению его устройства. Помните, я говорил, что Алистер подсказал мне, как стабилизировать установки координации? Я придумал, каким образом можно настроить Джеку зрение. И именно для этого мне нужна ваша помощь.

Задумка Дориана, как всегда, была, как все гениальное, проста и, естественно, сопряжена с определенным риском.

— У вас может начаться головокружение, приступ дезориентации.

— Я с этим живу, — успокоил мага Эйден.

Узнав, что от него потребуется, он согласился сразу же, а если бы мэтр сказал, что за аттракцион придется заплатить, не раздумывая, выписал бы чек.

— Я, если можно так выразиться, подключу ваше сознание к телу Джека, — повторил уже сказанное маг, прикрепляя к его вискам присоски с тянущимися от них проводками. — Вы осмотритесь, попробуете сделать несколько шагов. Ваше восприятие своего... точнее, его роста, угол и спектр зрения зафиксируются в искусственной памяти. А я отрегулирую процесс извне.

— Я готов, — торопливо отрапортовал молодой человек.

— Закройте глаза. Я скажу, когда открыть.

Это напоминало прохождение через портал.

Зажмурился, открыл глаза — и увидел себя в другом месте, уже не из лежачего положения, а стоя посреди комнаты.

Ростом они с Джеком почти не отличались, и ощущения дискомфорта не возникло. Так... никак...

Чувства потерялись.

Исчезло пощипывание от электродов и ощущение твердой кушетки под головой.

Исчезла... Эйден прислушался к себе и понял, что не ошибся: исчезла боль. Стало легко и свободно...

— Вы в порядке? — услышал он голос Дориана.

Обернулся на звук. Не чувствуя тела, но все же обернулся. Кивнул.

Движениями управлял разум, а не бечевки мышц. Он хотел поднять ногу, и нога поднималась. Хотел взмахнуть рукой, и она взметалась вверх...

Он управлял механическим человеком изнутри, но это оказалось не так весело, как ожидалось.

Эйден моргнул... хотел моргнуть, но у Джека не было век. Он продолжал смотреть. Видеть.

Но не чувствовать.

Пропала не только боль — все.

Он знал, что стоит, но не ощущал пола под ногами.

Вертел головой, и казалось, что это ветер крутит безвольный флюгер.

Коснулся рукой лица — и думал, что пальцы пройдут щеку насквозь...

— Дориан! — позвал он.

Джек беззвучно ворочал тяжелой челюстью.

— Дориан, остановите это!

Свобода?

Легкость?

Нет — пустота.

— Дориан!

Чужое, но такое послушное тело рвануло в сторону, туда, где сидел у железного ящичка с десятком рычагов и кнопок маг. Руки подняты над головой сигналом о помощи...

— Дориан!

Лленас всполошился. Посмотрел на него... На него, запертого в механическом теле. На него, лежащего на кушетке...

Эйден проследил последний взгляд. Жутко.

Лучше бы ему этого не видеть.

Лучше бы не знать.

— Отключаю, — сказал маг. — Только не нервничайте.

Глаз в этот раз закрыть не получилось.

Вспышка...

...и обещанная дезориентация. Головокружение и готовое вырваться из груди сердце.

— Лежите, лежите. — Подоспевший маг придавил его за плечи к кушетке. — Это скоро пройдет.

— Простите, — просипел Эйден. — Я не смог... там...

— Что за глупости? Все вы смогли, запись сделана.

— Хорошо. — Он дышал часто и прерывисто, радуясь этим спазмам и вернувшейся, практически уже родной боли. — Второй раз не повторю. Это... похоже на смерть... Я...

«Не хочу умирать!» — почти уже выкрикнул он, но прикусил губу.

Разве его желания что-то решают?

Кто-то назвал бы его черствым, но Дориан не переживал из-за случившегося в лаборатории. Вся процедура не заняла и пяти минут, о возможных неудобствах Эйден был предупрежден и в себя пришел достаточно быстро — причин для тревог маг не видел. Немного жалел, что не мог сам поучаствовать в уникальном эксперименте, но кто бы тогда направлял пси-потоки и регулировал питание записывающего устройства?

Свою роль в свершившемся он ставил намного выше, нежели пассивную помощь Мерита. Да и Алистер Ранбаунг, мимоходом подавший идею скорректировать «зрение» механического слуги, по мнению Лленаса, был причастен к сегодняшнему прорыву постольку-поскольку.

Алистер с этим не спорил.

— Мысли как дети, — говорил он, смеясь. — Зачать ребенка — дело нехитрое, как и высказать мысль. Но выносить, родить, а после воспитать дано не каждому. Потому я и занимаюсь исключительно теорией, а практику оставляю таким, как Дориан.

Мэтр Ранбаунг явился к ужину. Его не ждали, но приняли с радостью.

С этим добродушным толстяком, который даже студентов не мог заставить себя побаиваться, как то подобает при его статусе заведующего кафедрой Общей теории магии, Дориан Лленас дружил со времен учебы. А подобная дружба, пусть и не расцвеченная частыми встречами, шумными праздниками или, что больше ценится в среде практикующих магов, успехами совместной работы, тихая и спокойная многолетняя дружба, основанная на взаимном уважении, дорогого стоила.

Что, впрочем, не исключало между ними секретов и недомолвок, как вот, к примеру, Эйден Мерит. Дориан не посвящал старинного приятеля в подробности своих взаимоотношений с молодым человеком, уже четвертый год гостившим в его доме по две-три недели в сезон. Слухи давно превратили Эйдена в дальнего родственника мага, оба они этих слухов не опровергали, и все знакомцы господина Лленаса, не исключая мэтра Алистера, за неимением других объяснений вскоре уверовали в их родство.

— Итак, у Джека теперь человеческое зрение. Что на очереди? Кажется, ты хотел наделить его способностью говорить. — Ранбаунг попытался пригладить пухлой пятерней волосы, но эффект наблюдался обратный: рыжая грива встала дыбом. В сочетании с гладким, толстощеким лицом теоретика это выглядело забавно.

Но мэтру Дориану было не до улыбок.

— С этим возникли проблемы, — удрученно покачал головой он. — Подача воздуха, сокращение связок, артикуляция. Представляешь, насколько крохотными должны быть механизмы, обеспечивающие движение губ и языка? Хотя... если снабдить ротовую полость чувствительными мембранами, издающими в зависимости от частоты колебаний достаточно широкий диапазон звуков, а после вложить в искусственный разум способность комбинировать эти звуки в нужной последовательности...

Лленас тут же загорелся новой идеей. В его голове уже чертились схемы и писались формулы заклинаний. Дергался острый носок комнатной туфли на заброшенной на ногу ноге — хотелось, забыв обо всем, бежать в лабораторию, где в одном из ящиков лежали оставшиеся после ремонта музыкальной шкатулки леди Вессер тонкие медные пластинки, попробовать сперва с ними...

— Дориан! — Алистер шутиливо погрозил пальцем. — И думать не смей. У меня другие планы на тебя и сегодняшний вечер. Эйден, поддержите меня!

— В чем? — Молодой человек, до этого момента не принимавший участия в беседе магов, отвлекся от своих, судя по лицу, не слишком веселых мыслей.

— Поедемте в оперу! — огорошил их предложением Ранбаунг. — Я выкупил ложу на новый сезон, но так ни разу и не выбрался. А сегодня дают «Дни сомнений», и прима, по многочисленным свидетельствам, хороша нереально.

— В оперу? — Мэтр Дориан уже пришел к выводу, что одной только медью не обойдется. — Можно и в оперу.

— Но чтобы я не видел в твоих руках блокнота и карандаша! — пригрозил Алистер.

— Не увидишь, — мысленно заканчивая чертеж звукового механизма, пообещал изобретатель. — Я давно уже не трачу время на записи. Все здесь. — Он постучал пальцем по лбу.

— Все? — недоверчиво переспросил толстяк. — Заклинания, технические разработки, формулы — все?

Лленас кивнул.

— А если с тобой что-то случится? — Алистер глядел с укором. — Что станет с твоими трудами? Мир потеряет их вместе с тобой?

— Увы, — без особого огорчения развел руками Дориан. Он получал удовольствие от своей работы и без всеобщего признания, тем более его не интересовало признание после смерти.

— Глупо! — рассердился Ранбаунг. — Твои творения со временем могут найти должное применение. Паромобиль, холодильная машина, механические слуги.

— Паромобиль и холодильную установку я планирую продать, — успокоил друга изобретатель. — Тогда, конечно, придется оформить чертежи соответствующим образом и передать производящим компаниям. А слуги... — Для Лленаса Джек был промежуточным этапом в его исследованиях, но пока маг не готов был делиться этим с кем-либо. — Мне уже заявили, что покуда не переведется население Линкарры, в искусственных людях нет нужды. Они слишком дороги, тогда как женщины у нас рожают совершенно бесплатно.

— Не скажи! — возразил толстяк. — Ты не думал, что твои техночеловеки могут пригодиться в военном деле, например? Представь, сколько жизней спасет механический солдат.

— Простите, мэтр Алистер, — заговорил со своего места Эйден. — Рискну показаться циником, но и во время войны живые — до поры живые — люди обойдутся правительству дешевле. Хотя в том, что касается записей, я с вами соглашусь. Дориану следовало бы сохранить свои работы для потомков — возможно, они оценят их, в отличие от современников.

— Он бы принимал все иначе, если бы уже обзавелся потомками, — хохотнул Ранбаунг.

Сам он был потомками не обременен, но для друга выступал порой активным сводником. И Дориана такое внимание к его личной жизни не радовало.

— Согласен, — сказал он, хмурясь. — Записи иногда помогают. Я стал забывать... не работу, с этим все в порядке. Стал забывать какие-то эпизоды жизни. Например, вторую неделю не могу вспомнить, куда подевал третью девицу.

И Алистер, и Эйден уставились на него с одинаковым немым удивлением. Пришлось рассказать о многочисленных попытках обзавестись временной служанкой.

Мерит хмыкнул и пожал плечами: его участь неведомо куда запропастившейся девушки не интересовала. А толстяк вдруг рассмеялся:

— Поражаюсь тебе, Дориан. Сколько лет уж поражаюсь. Не было никакой третьей девицы.

— Не было? — озадачился маг.

— Уверен. Отбрось все нереальные версии, и останется одна — очевидная. Ты сбился со счета, как иногда путаешь дни недели. Принял третью за четвертую и остановился, как решил, на седьмой, когда эта твоя...

— Эбигейл, — подсказал, опередив хозяина, Эйден.

— Когда твоя Эбигейл на самом деле шестая.

— Надо же, — расстроился мэтр Лленас. — Она мне уже понравилась. Кофе у нее выходит замечательный, и вообще.

— Никто не требует менять ее на новую, — успокоил Алистер. — И твоей страсти к нумерологии лично я не разделяю. Меня в данный момент занимает другой вопрос: мы едем в оперу или нет?

— Да, — кивнул мэтр Дориан. — Если подскажешь, где раздобыть труп без значительных повреждений.

Как ни странно, этот вопрос показался его собеседникам не таким удивительным, как заявление о пропаже девицы, но маг все же пояснил:

— Хочу сам исследовать строение гортани и проверить еще кое-что. Не доверяю справочникам.

— Могу устроить, — отозвался Ранбаунг. — У меня как раз есть несколько тел. Трое мужчин от двадцати пяти до сорока и женщина. По-видимому, беженцы из Гилеша. Проходили перевал Каримах и попали под ледяное дыхание гор.

— Неужели? — заинтересовался мэтр Лленас. — Ледяное дыхание просыпается самое частое раз в пятьдесят лет.

— Не повезло бедолагам, — согласился толстяк. — Зато повезло нам. Я выкупил тела для опытов. Сам понимаешь, уникальная возможность. Они идеально сохранились: мгновенная смерть от стремительного переохлаждения. Милосердная, можно сказать, смерть — они и почувствовать ничего не успели.

— Откуда такая уверенность? — хмуро спросил Эйден. — Как говорят, оттуда еще никто не возвращался.

— Возвращались, друг мой, — снисходительно улыбнулся мэтр Алистер. — Еще как возвращались. Иначе Пять Академий не тратились бы на содержание кафедры прикладной некромантии. Дориан, тебе ведь безразлично, чей это будет труп? Тогда я пришлю тебе женщину. Договорились? А теперь собирайтесь, господа, собирайтесь.

В оперу они успели вовремя, однако задолго до окончания спектакля Лленас вернулся домой. И причиной тому была отнюдь не работа.

У этой причины были мягкие белоснежные волосы, фарфоровая кожа и огромные синие глаза. И красивый округлый почерк, которым она вывела на клочке бумаги, что в антракте вложила в его руку, всего два слова: «Едем к тебе?»...

Имя Ада не шло ей совершенно. Ада — коротко и сухо. Сразу представляется этакая деловитая дамочка, серьезная и даже стервозная. Линда? Тоже нет. Линда — это милая куколка, настолько же глупая, насколько хорошенькая.

Она была Адалиндой.

Даже в острейшие мгновения близости Дориан не сокращал ее имени, одного родного, состоящего из двух чужих, в звучании которого заключалась вся она — умная женщина под личиной большеглазой куклы.

А она звала его... Она просто звала, как сегодня, и он забывал обо всем.

— Не знала, что ты любишь оперу. — Тонкие пальчики с острыми, покрытыми нежно-розовым лаком ноготками медленно опускались по его груди к животу... и сложившийся механизм речевого аппарата рассыпался по деталям...

— Не люблю. Алистер пригласил.

— Добряк Алистер. Хотя кто-то заботится о том, чтобы ты не сидел дни и ночи напролет в мастерской... Но ты отладил зрение?

— Да. И собираюсь дать Джеку голос.

Снова в его голове тонкие полоски металла крепились на стальной цилиндр, вибрировали струны. В опере он слышал виолончель — ее голос порой похож на человеческий... Но для Джека нужно усилить басы...

— Не сейчас. — Адалинда прижалась к нему всем телом, поцеловала в висок. — Я знаю, у тебя получится. Но не занимайся этим, пока ты со мной.

И тут же сама спросила, ускользая от его губ:

— Ты никогда не думал, что Джек после завершения сойдет не только на роль домашнего прислужника? У искусственного мозга огромный потенциал.

Большинство его знакомых женщин слова-то такого не знали — потенциал. Они и о существовании мозга, даже не искусственного, вряд ли догадывались...

— А ты никогда не думала уйти от мужа? — в тон ей спросил он вдруг.

— Что? — Вопрос застал Адалинду врасплох.

— Уйти от мужа, — повторил маг, мягко сжав в ладонях ее лицо, чтобы не дать возможности отвернуться. — Ко мне.

— В смысле... — Нежные щеки под его руками сделались горячими от прихлынувшей крови.

— Во всех смыслах. Официальный развод, и через полгода ты — госпожа Адалинда Лленас.

Еще несколько минут назад он не собирался говорить ей ничего подобного, но сейчас это почему-то стало важно. Даже важнее голосового аппарата.

— Ты же не серьезно? — Она все-таки вырвалась и теперь сидела на постели, поджав к подбородку колени. Было в этой позе что-то невероятно трогательное, а белое покрывало рассыпавшихся по плечам волос не скрывало, а лишь подчеркивало ее ослепительную наготу.

И мэтр Лленас абсолютно искренне признал, что, невзирая на спонтанность предложения, серьезен как никогда.

— Зачем? — Она не смотрела на него и сама пряталась под спадающими на лицо прядями. — Я ведь слышана о вас, господин маг. Салджвортские кумушки наперечет знают всех ваших бывших любовниц. Каждая из них была непременно замужем. Не затем ли, чтобы ты мог счастливо избегать алтаря? И вдруг система дала сбой?

— Дрянная была система. Я решил создать новую.

— И она будет работать? Я не люблю мужа, Дориан. Он не любит меня. Он изменяет мне, я — ему. Не скажу, что это нормально, но в какой-то степени это честные отношения. А с тобой... Мы погрязнем во лжи. Ты будешь лгать, будто я интересую тебя больше твоих

механизмов, а я притворяюсь, что верю этому и рада, если обо мне вспоминают хотя бы раз в неделю.

Он взял ее руку и поднес к губам.

— Я постараюсь измениться.

Адалинда покачала головой:

— Постарайся. Но не изменишься.

— Я закончу Джека, и у меня не останется ничего интереснее тебя, — пообещал он жарко.

Она задумалась.

Думала долго, молча, не отнимая у него руки, на которой он перецеловал уже каждый пальчик, и наконец заговорила:

— Хорошо. Заканчивай. И потом, если еще останется такое желание, мы вернемся к этому разговору.

Теперь, когда она не гуляла с Джеком и не находилось работы по дому, Эбигейл уже не скучала. Во-первых, мэтр Дориан, заметив, как она, вытирая пыль с книжных полок, читает названия на корешках, разрешил ей брать книги с одного из стеллажей, там, где, как он сказал, стояли «сказки», а не «серьезная литература для работы». А во-вторых, с господином Эйденем не соскучишься.

В комнату к ней он больше не заходил, но, к несчастью для Эби, жизнь ее не ограничивалась уютной спальenkой.

С утра, еще до того, как мэтр Дориан позвонит, господин Мерит появлялся на кухне, чтобы распорядиться насчет кофе. Расхаживал по дому, когда она занималась уборкой. Раз, якобы нечаянно зацепившись за что-то, порвал рукав и велел Эбигейл зашить. Посреди дня, пока маг работал в лаборатории, вдруг изъявлял желание подкрепиться. А когда она выгуливала в саду механического человека, непременно вертелся рядом — говорил, из научного интереса, хотя на самом деле интерес его никакого отношения к науке не имел.

— Двести рейлов?

Каждый раз так. Сперва спросит что-то, заданий надает, а потом прищурится, ухмыльнется и... уже двести рейлов.

За такие деньги мог всех освинских девок разом скупить.

Эбигейл думала, что однажды не выдержит и пошлет-таки его... в Освин. Но пока терпела.

— Я не продаюсь, господин Эйден, — твердила она упрямо.

— Все продается, крошка Эби, — скалился он в ответ. — Вопрос лишь в цене.

Единственным, кому девушка могла пожаловаться на докучливого молодого господина, был Джек. Если во время их прогулки Эйден не ошивался поблизости, она брала механического человека под руку и негромко сетовала на судьбу.

Вдруг выяснилось, что со времени переезда в Салджворт она ни с кем не говорила по душам, и все, что копилось эти годы на сердце, Эби сначала несмело, а после уже, войдя во вкус, в подробностях, раскрашивая рассказы своими мыслями и чувствами, порой улыбаясь, а порой смахивая с ресниц невольные слезы, пересказывала молчаливому спутнику. И неважно, что он бесчувственный — окружающие ее люди в большинстве своем такие же.

Прошло не так уж много с тех пор, когда Эбигейл увидела искусственного человека впервые, но мэтр Дориан работал целыми днями, а иногда и ночами, и Джек менялся на

глазах. Лицо у него стало другое, даже приятное, красивые зеленые глаза казались почти живыми. Главное, не смотреть слишком долго, иначе от неестественной неподвижности созданных «по стандартам» черт делалось не по себе.

Шагал Джек теперь легко и уверенно, словно сам водил девушку садовыми дорожками. А однажды она заметила, что он несильно кивает в такт ее рассказам: мэтр Дориан настраивал ему вежливость.

Вежливый и безмозглый. Эби подумала, что у мага все же получится сделать идеального слугу.

В тот день, по счету семнадцатый ее день в доме мэтра Дориана, они с Джеком тоже гуляли в саду. После завтрака приходил толстяк, мэтр Алистер. Эби видела его уже трижды и как раз рассказывала механическому кавалеру о том, какой он потешный, когда думает, что на него никто не смотрит: разглядывает себя во всех отражающих поверхностях, безуспешно приглаживает буйные рыжие волосы, потом оттягивает в стороны уши и показывает язык. Но иногда круглое щекастое лицо делается вдруг жестким, глаза превращаются в узкие щелочки, и тут же пропадает всякая охота смеяться, так как вспоминаешь, что перед тобой все-таки маг, а не ярмарочный комедиант.

Поделиться с Джеком последним наблюдением Эби не успела: заметила в стороне господина Мерита. Тот, вопреки обыкновению, держался поодаль и брел как-то странно, слегка пошатываясь. Потом остановился, постоял немного, сделал шаг и неожиданно начал заваливаться вперед. Дернулся резко, пытаюсь выровняться, отклонился назад и рухнул плашмя на спину.

— Господин Эйден! — Разом позабыв о своей неприязни к этому человеку, девушка бросилась к нему. — Господин Эйден!

Опустилась на колени, несмело потянулась рукой.

Что, если он умер? Как быть?

В голове завертелись глупые мысли. Мэтр Дориан в лаборатории, его нельзя беспокоить. Только если пожар, а на случай чьей-нибудь смерти распоряжений ей не давали...

Эби почти коснулась худой жилистой шеи под колючим, серым от щетины подбородком, когда Мерит открыл глаза.

Она тут же отдернула ладонь... Вернее, попыталась, но мужчина вцепился в нее мертвой хваткой.

Мертвой... б-р-р...

— Вам плохо, господин Мерит? — прошептала она, с облегчением почувствовав, что пальцы у него теплые, а не ледяные, как у покойника.

— Мне? — переспросил он, словно не понимал, о чем речь. И улыбнулся внезапно. — Нет, мне хорошо. Прилег на травку отдохнуть. Присоединяйся.

Он с силой потянул Эби на себя, сгреб в охапку и придавил к земле, подмяв под себя. И поцеловал. Она только-только собиралась закричать, а он накрыл ее рот своим.

Губы у него были сухие и горячие. Язык — твердый и наглый. Щетина кололась...

А накрахмаленные юбки мешали как следует наподдать ему коленом. И руки он держал крепко...

Потом вдруг отпустил.

Перекатился на спину и растянулся, заложив руки за голову.

— Ты сладкая.

Все из-за дурацких ванильных кексов! Господин Блэйн угостил, когда приходил, как обычно, готовить на весь день. Он хороший, не то что некоторые...

Вежливый Джек помог ей подняться с земли. Топтался рядом, пока она отряхивала платье. А когда отошли подальше от мерзкого, наглого — слов на него не хватало! — Эйдена, Эби высказала механическому кавалеру все, что о нем думает.

— Ты должен меня защищать! — всхлипывала она, стуча кулаком по твердой груди, в которой нет и не будет сердца. — А ты что делал? Смотрел? Глаза есть, так можно смотреть, как всякие там меня... меня...

На кухне она отыскала головку чеснока и съела всю, целиком и без хлеба.

Мэтр Дориан недоуменно тянул воздух носом, когда она прислуживала за ужином. А Эйден только ухмылялся.

— Чеснок — это от вампиров, крошка Эби, — прошептал он ей на ухо, прижав к стене в коридоре рядом с дверью в подвал, где по ночам рычал зверь. — А мне даже нравится. Триста рейлов? Ты подумай...

Эби подумала и поняла, что не выдержит этого.

Если он еще раз подойдет к ней, если дотронется, если хотя бы попробует снова поцеловать, она за себя не ручается.

И будь что будет.

Но того, что случилось, она и предположить не могла.

Это было на третий день после памятного поцелуя.

С утра мэтру Дориану доставили большой длинный ящик, и маг тут же заперся с посылкой в лаборатории. Только в полдень, как обычно, выпустил к Эби Джека.

Тот передвигался уже вполне сносно, и девушка подумала, что не будет ничего плохого, если она отведет его на кухню, к господину Блэйн. Ведь с самого начала предполагалось, что она будет выгуливать механического человека по дому, разве нет? А повару она о нем уже рассказывала, и тот заинтересовался. Вот пусть и поглядит своими глазами.

— Творец милосердный. — Господин Блэйн утер полотенцем мгновенно покрывшуюся капельками пота лысину. — Это он?

— Он, — подтвердила Эби. — Джек, поздоровайся.

Любимое детище мэтра Дориана почтительно склонило голову.

— Надо же, совсем как живой!

Повар не удержался от того, чтобы пощупать Джека, пожать ему руку, заглянуть в рот. И по лбу постучал, как Эбигейл в первый день.

После загорелся проверить, что механический человек умеет: велел принести миску со стола.

Джек не шелохнулся.

— Принеси миску, — повторила просьбу Эби. — Вон ту, большую.

Механический человек посмотрел на нее... Нет, она знала, что на самом деле он не смотрит как живые люди, и глаза у него только для красоты, но иногда казалось, что смотрит по-настоящему. Как сейчас. Посмотрел, кивнул, прошел к столу, взял миску и вернулся к девушке.

— Гляди-ка, — прищурился господин Блэйн, — тебе не отказал.

— Конечно, он же мой кавалер.

Приподнявшись на цыпочки, она шутливо чмокнула Джека в щеку.

И не подумала бы о таком, когда в первый раз его увидела. А Джек вообще не думал — как стоял истуканом, так и остался стоять, пока она не велела ему принести еще и стакан.

Господин Блэйн так увлекся, что готовку забросил, и Эби решила, что лучше им с Джеком в сад пойти, чтобы мэтра Дориана без обеда не оставить. К тому же кухня: тут вода, там пар. Вдруг у Джека механизм повредится? Дядька ей про часы только и талдычил, чтоб не мокрой тряпкой протирала, а чуточку влажной, иначе испортятся.

Только вышли в холл, как нос к носу столкнулись с Эйдемом (господином Эбигейл его про себя давно уже не звала — не заслуживал он никакого почтения).

— О, крошка Эби! Далеко собралась?

— Мы с Джеком идем в сад, — отчиталась она ровно.

— Могу составить компанию.

— Спасибо, но в этом нет нужды.

— Колючка Эби, — усмехнулся мужчина. — Но такая сладкая. И так трудно сдержаться...

До того, как он шагнул к ней, девушка успела заметить, что ведущая в лабораторию дверь начала медленно открываться, и обрадовалась: при мэтре Дориане этот нахал не осмелится к ней приставать.

Но за миг до того, как маг вышел в холл, случилось другое.

Случилось так быстро, что Эбигейл в первый миг даже не поняла, как и что.

Эйден приблизился к ней, протянул руку, и вдруг Джек выступил вперед, загородил ее и толкнул Мерита в плечо. С виду легонько, но механический человек куда сильнее человека обычного, и Эйден полетел на пол, прямо под ноги мэтру Дориану.

— Что здесь происходит?! — гневно воскликнул маг. — Джек!

Взмах руки, и техническое создание застыло неподвижной статуей.

— Эбигейл!

Эби подумала, он и ее сейчас «выключит». Или взглядом испепелит.

— Эйден, вы в порядке? Что произошло? Джек никогда... — Маг, продолжая зло сверкать глазами, развернулся к девушке: — Это ты ему приказала?!

Испуганная криками и самим видом мэтра Дориана, который, как она до этого дня считала, и сердиться-то не умеет, Эби смогла только головой помотать.

— Не лги мне! Кроме тебя, некому было научить Джека такому! Не сейчас, так раньше. Чему ты его учила? Зачем? Говори, дрянь!

Он навис над ней, грозный, черный, страшный, и девушка зажмурилась, ожидая в лучшем случае оплеухи. В самом лучшем.

— Отвечай! — Маг с силой встряхнул ее за плечи.

— Я... не учила... Не специально. Я лишь разговаривала с ним... просто... обо всем... я...

Еще немного, и те обрывки фраз, что она с трудом выдавливала из себя, утонули бы в рыданиях, когда неожиданно прозвучал голос Эйдена:

— Дориан, оставьте ее, она не виновата. Это я. Хотел пошутить, а Джек, видимо, решил, что я собираюсь обидеть Эбигейл.

— Решил? Сам?

— Сам, — подтвердил Эйден. — Поздравляю вас, мэтр. Искусственный мозг действительно способен обучаться и развиваться.

Искусственный мозг работал. Вернее, работало заклинание, превращающее поступавшую извне информацию в память Джека и формирующее его сознание.

Господину Лленасу было чем гордиться и как магу, и как технику, создавшему, помимо кристаллического мнемосборника, механическое тело, отзывающееся на приказы сотворенного переплетением энергетических потоков разума. И он будет гордиться. Обязательно расскажет обо всем Адалинде... Если она придет. Вчера не пришла... И Алистеру похвастается успехами.

Но все это потом. А сейчас мэтр Дориан был зол. В первую очередь — на самого себя.

— О чем я только думал? — распалялся он, расхаживая туда-сюда по лаборатории.

Эбигейл, отчитав, он усла в ее комнату, велел не попадаться на глаза, и лишь застывший у стены Джек и присевший на кушетку Эйден безмолвно наблюдали приступ мажьего самоедства.

— Я должен был предположить, что обучение не ограничится простейшими навыками, что он станет впитывать все без разбора данные. Абсолютно все! А она с ним, видите ли, говорила! О чем? Чему могла научить его эта потаскуха?

— Она не потаскуха.

Дориан замер. Показалось, последняя фраза сорвалась с неподвижных губ Джека, вновь

вздумавшего вступить за освинскую девку.

— Она не потаскуха, — повторил за спиной мага Эйден. — Вы даже не удосужились поговорить с ней, да? Поршни и шестеренки вам интереснее живых людей.

Поговорить? С работницей по приговору? Он и так узнал о ней все самое интересное в первый день: умеет читать, знает, как передвигаются шахматные фигуры... Что еще? Достаточно того, что она выполняла его указания, а браслет не позволил бы ей сбежать, украв что-то из дома.

Но мэтр Лленас усмотрел иной подтекст в замечании Мерита.

Вздыхнул, с воздухом выпуская остатки злости, и присел рядом с молодым человеком.

— Простите меня, Эйден, — сказал он со всей искренностью, на которую был способен. — Я увлекся работой и не уделяю вам должного внимания...

...Адалинда тоже думает, будто шестеренки и поршни для него важнее. А еще — голосовые мембраны, над которыми он работал, пока не вышел за... Зачем он выходил? Кажется, хотел попросить Эбигейл сварить кофе. Снова не спал полночи, и пара чашечек горячего, ароматного, можно с корицей...

Маг встряхнулся. Посмотрел на ждущего окончания фразы Эйдена. Покачал головой.

— Вы правы. Я — никудышный хозяин и отвратительный друг. Верно, был бы таким же мужем и отцом. Знаете, я тут думал, что если бы в юные годы чуть меньше увлекался наукой, а чуть больше... не наукой, у меня сейчас мог бы быть сын вашего возраста...

— А моему сыну было бы уже три года, — прервав собеседника, выцедил Эйден. — И мы с вами никогда не познакомились бы. Оставьте извинения, Дориан. Я ценю и уважаю вас таким, какой вы есть. После всего, что вы для меня сделали, вы мне даже больше чем друг. Да, почти отец, потому что тоже подарили жизнь. И не ваша вина в том, какая это жизнь и чем и когда закончится.

Мэтр Лленас больно дернул себя за бороду.

— К слову, — продолжил Эйден, — все не находил повода сказать, а это не должно стать для вас неожиданностью. Я составил завещание. Вы — единственный наследник. Не говорите ничего. У меня нет близкой родни, дальняя обойдется, а вам нужны деньги для продвижения ваших работ. Я и сейчас готов выделить любые суммы.

— Но...

— Я же просил, не спорьте. Завещание у моего поверенного. Прежде чем подписать его, я настоял на проведении полного медицинского освидетельствования с привлечением магов, так что имеется документ, подтверждающий, что на момент составления завещания я пребывал в здравом уме. Его не оспорят ни в каком суде. Да, поползут сплетни... Но вам же плевать на них? Полезное умение — игнорировать мнение общества. — Мерит задумчиво погрыз палец. — Но дело было не только в этом... Я же говорил?

— Говорили.

— Я все равно поступил бы так же. Даже теперь не чувствую искреннего раскаяния. Если бы мог, поехал бы в храм на Мисау: говорят, если молиться там о чуде... Но для этого нужно верить. Раскаяться и верить, а я не могу.

Он умолк, а когда снова повернулся к магу, лицо его, болезненно худое и бледное, было спокойно и деловито.

— Что вы решите с Джеком? — спросил он, словно не было всего предыдущего разговора.

— Пока не знаю. Видимо, нужно включить в исходное заклинание новые установки.

Нельзя допустить, чтобы он поднимал руку на людей.

— Я бы этого не делал, — не поддержал Эйден. — Люди бывают разные. В общении с некоторыми механический телохранитель не помешает.

— Вы думаете?

— Да. Я ведь объяснил вам, что сам виноват в том, что случилось. А Эбигейл... Наверное, она в самом деле рассказывала ему о своей жизни, а жизнь в Освине... там ведь не сплошь ворье и продажные девки, есть мастерские, лавки, но преступность, согласно полицейским отчетам, процветает... И ее, наверное, не раз обижали, и...

Эйден путался в словах, но маг сумел уловить главную мысль:

— Нужно создать несколько основных моделей ситуаций, в которых возможно использовать физическую силу. Нападение на хозяина, крики о помощи, оружие в руках незнакомца. Надо подумать. Это может быть полезно.

— А что с Эби и их прогулками в саду?

Мэтр Дориан нахмурился:

— Не знаю. С одной стороны, она неплохо ладит с Джеком, и он, если можно так выразиться, к ней привязался. Но через два месяца ее здесь уже не будет. Да и мне хотелось бы, чтобы Джек получал знания о мире от кого-то более подходящего... образованного...

— Мое образование вас устроит? — спросил Мерит. Уголки его губ при этом как-то странно дернулись: очевидно, нервный тик. — Я мог бы сопровождать Эбигейл, когда она гуляет с Джеком. Только скажите ей сами, пусть знает, что это ваше распоряжение.

Форест Келлар не считал себя заядлым игроком. В картежном клубе он появлялся не чаще, чем раз в месяц. В редких случаях — два. Бывало, что три. И играл не так чтобы до последнего лида, всегда оставалось что-то... А если вдруг нет, то и векселя подписывал, и долговые обязательства... Но всегда возвращал! Случалось, приходилось продать что-нибудь или заложить. Или из кассы комитета взять, но это — в крайнем случае. Да и сколько из той кассы возьмешь? Все же господин Келлар не муниципальной казной ведал, а всего лишь «заздравным» комитетом, как его в шутку называли, — лечебницы там, богадельни всякие. И отчислялись на это дело сущие гроши, так что даже при всем желании сверх меры не позаимствовал бы. Так, когда-никогда чек выпишет якобы на полотенца или простыни, или что там еще в больницу прикупить надо. Спирт иногда. Все равно тот спирт доктора с фельдшерами разопьют, а на больных разве что подышат...

Но страшновато было: вдруг узнают где надо. Вернее, где не надо.

Только привык уже. А от привычек избавиться нелегко. Почти пять лет боролся, и никак.

А на шестой «где не надо» узнали.

И отправился господин Форест... нет, не в тюрьму с позором, а под звуки торжественной музыки — к алтарю. Газеты неделю печатали снимки со свадьбы, особенно невесты, якобы молоденькой вдовушки отставного офицера, с которой Келлар якобы познакомился на соляном курорте... Якобы... Но хороша стерва, этого не отнимешь. Недаром фотографы магниевого порошок переводили.

А по городу только и шептались, что она, такая красавица, в нем нашла. И господина Фореста подобные разговоры задевали: ничего непривлекательного он ни в своей внешности, ни в положении не видел. Председатель муниципального комитета, хоть и «заздравного», — человек не последний. И собой видный. Немногим за сорок, высокий, статный... небольшое

брюшко наел в последние годы, но под одеждой почти не заметно. Каштановая шевелюра без проплешин, усы — любому портретному полководцу на зависть. Нос... солидный такой нос. И глаза, серые с переходом в голубой, выразительные, как некоторые дамы говорили.

Те дамы еще многое могли бы о нем рассказать. Хорошего... в некотором смысле... Но этот смысл новоиспеченная госпожа Келлар познавать не желала.

С первого дня у молодой жены была своя спальня, двери которой ни днем, ни ночью не открывались для господина Фореста.

А в спальне, помимо не познавшей смысла супруги, завелась еще и кошка.

Келлар никогда не видел мерзкую тварь. Кошку в смысле, жену-то он наблюдал ежедневно. А кошку только чувствовал: глаза слезились, в носу свербело, между пальцами чесалось — с детства у него эта напасть на кошачью шерсть...

Но жена, якобы жена, в наличии тайного питомца не признавалась.

И вообще с супругом почти не разговаривала, только указывала с утра, куда они сегодня пойдут, что ему надеть и как себя вести.

В первый месяц после свадьбы ни одного свободного вечера: салоны, театры, выставки, званые ужины, приторные чаепития. Госпожа Келлар рвалась перезнакомиться со всеми...

А потом — как отрезало. В последние полгода остались обязательные выходы в оперу и приемы в мэрии. Иногда кто-то из «друзей семьи» приглашал на ужин. А в остальные вечера, если якобы жена господина Келлара и уходила куда-то, то всегда одна. Возвращалась через час или два, смотрела на якобы мужа, обычно сидевшего в гостиной с газетой, как на пустое место, и шла к себе. Затем шумела в трубах вода — она набирала ванну, чтобы смыть прочно прилипавший к ней после таких походов запах чужого мужчины и технического масла.

Но господина Фореста это не волновало. Ему тоже было чем заняться вечерами. Сходить в клуб, на который теперь всегда находились деньги. Или беспрепятственно встретиться с теми, кто эти деньги давал...

— Адалинда, милая, — ласково, как всегда, когда поблизости вертелась горничная, обратился он к супруге, — вы уходите?

— Да, дорогой. — Она одарила его очаровательной улыбкой, полной презрения. — Я записана к модистке на семь. Разве вы не помните?

— Конечно-конечно. Платье для приема у госпожи Дригген.

Когда щелкнул замок на входной двери, Келлар огляделся, убедился, что прислуга возится где-то на кухне, и вынул из кармана широкого домашнего халата маленькую восковую дощечку и стилус.

«Ушла», — нацарапал он бегло. Подумав, приписал: «Видимо, к нему».

Нанесенные на воск буквы держались несколько секунд, а потом расплылись, очистив место для нового донесения.

А господин Форест, несколько раз шмыгнув носом, все-таки чихнул.

Проклятая кошка!

Об Эби так и не вспомнили, и до позднего вечера девушка просидела в своей комнате. Забралась с ногами на кровать, обняла подушку и гадала, чем для нее обернется происшествие с Джеком.

Иногда до нее долетали звуки с хозяйской половины дома: шаги, неразборчивые голоса, хлопанье дверей, но в ту часть, где располагались кухня и помещения для прислуги, после ухода господина Блэйна никто не заглядывал.

Девушка не знала, что и думать.

Еще вчера она считала мэтра Дориана чудаковатым добряком и удивлялась, отчего люди возводят напраслину на магов, называя тех злобными и опасными. А сегодня, как в первый день, испугалась: вдруг не врут? Закрывала глаза и видела его рядом с собой, чувствовала вцепившиеся в плечи пальцы, слышала громкий, срывающийся от ярости голос. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не Эйден...

Если бы не Эйден, то и не начиналось бы ничего. А теперь ее вернут в тюрьму, и придется отрабатывать остаток срока по приговору уже в другом месте, где вряд ли будут кормить так вкусно, позволят читать книжки и прогуливаться в саду.

А еще Эби тревожило, что станет с Джеком. Не хотелось, чтобы мэтр Дориан взялся его переделывать и отучать от всего, чему он, оказывается, успел научиться. Ничего же плохого. За нее вот заступился. Даже настоящий человек не всегда за другого вступится. А Джек хороший. Безмозглый, бесчувственный, но если воспитывать его, как саму Эби отец с матерью воспитывали, чтобы по уму все делать и по совести, он и вести себя будет соответствующим образом: слабых защищать, помогать всем. Оно понятно, что для слуги такие качества лишние, но для человека, даже механического, наверное, нет.

Эбигейл никогда раньше так много не думала. И от этого аппетит проснулся. Или от того, что уже ночь наступила, а она с самого утра ничего не ела.

Прислушавшись и убедившись, что в доме все уже спят или, во всяком случае, не бродят по комнатам (господин Дориан мог и до утра в лаборатории сидеть), Эби зажгла свечу и вышла в коридор. Быстрым шагом миновала ведущую в подвал дверь и заскочила в кухню. Какую бы кару ни придумал ей маг, разрешения брать из холодильного шкафа все, что ни пожелается, он не отменял.

— А я все жду, когда же ты проголодаешься.

Хорошо, что, услышав этот голос, девушка окаменела от страха, а то выронила бы свечу и не увидела бы господина Мерита, сидевшего на широком подоконнике с книгой в руке. Читал, что ли? Здесь? В темноте?

— Не стесняйся. Тебе нужно поесть.

— Уже не хочется, — буркнула Эби.

Развернулась к двери, но мужчина оказался быстрее, подлетел и перегородил выход.

Девушка выставила вперед руку со свечой. Живой огонь — от любой скверны оберег. А Эйден в свете колышущегося пламени выглядел не лучше кладбищенской нечисти, словно только-только некромант залетный его из могилы поднял. Нос острый, резкие скулы кожей обтянуты, под глазами черные круги, а в самих глазах бесовское пламя пляшет.

— Не бойся, — усмехнулся этот упырь. — Сейчас уйду. Только хотел сказать, чтобы ты не переживала насчет Дориана. Он знает, что не прав, но извиняться не станет.

Извинений Эби и не ждала. Чего другого — да, но не извинений. А если Эйден не врёт и маг на нее не сердится, то совсем хорошо.

— И я не стану, — добавил он и протянул ей перевязанную синей лентой картонную коробочку, которую девушка сначала приняла за книгу. — В качестве компенсации за причиненные неудобства.

Эбигейл не шелохнулась — так и стояла, вытянув перед собой руку со свечкой.

— Это конфеты. Вряд ли ты когда-нибудь такие пробовала.

При слове «конфеты» живот предательски заурчал.

— Возьми. Иначе не уйду.

Просто выбора ей не оставил!

— Доброй ночи, крошка Эби. Завтра нас ждет чудный день.

Услышав, как закрылась за ним ведущая в холл дверь, девушка швырнула на стол неожиданный подарок, вытащила из холодильного шкафа первую попавшуюся тарелку и вернулась с ней в свою комнату. Но паштет — а в тарелке был именно паштет из печени — оказался несвежим. Эби сперва съела немного и лишь потом разглядела белое пятнышко плесени на обветренной корке.

Пришлось опять идти на кухню. Опять боязливо ускорять шаг у входа в подвал, где сегодня особенно громко рычало чудовище. Опять искать, чем бы подкрепиться, на этот раз принохиваясь к каждому блюду.

А конфеты... Конфеты лежали в коробке, каждая в гофрированной розетке из хрустящей промасленной бумаги, круглые, шоколадные, присыпанные тертым орехом. И внутри орех, только целый, в нежном сливочном креме. Эби лишь одну взяла, попробовать...

А пустую коробку утром выбросила. И ленточку тоже...

Сидда Бейнлаф вернулся в Салджворт утренним поездом.

У вокзала его ожидал экипаж, но Бейнлаф не торопился. Присел к чистильщику обуви у выхода на перрон и флегматично наблюдал, как мальчишка трет щетками его ботинки, старые, разношенные, а потому невероятно любимые. Иногда Сидда думал, что он станет делать, когда придет пора отправить ботинки в утиль. В чем будет ходить? Как?

Он часто думал об этом. Чаще даже, чем о том, как станет жить, когда в утиль отправят его самого. Все-таки возраст — седьмой десяток пошел на убыль. Здоровье уже не то. Глаза подводят. Руки — только и осталось, что перо держать. А раньше, бывало, в каждой по револьверу, в ушах ветер свистит... Доктор уши велел беречь. Какой уж тут ветер? Да и пустое. Это по молодости кажется, что ты, на коне лихом да во всеоружии, — герой-боец. А потом понимаешь: пешка ты, не больше. И при офицерских эполетах пешка, фигурка бестолковая. А тот, кто фигурки двигает, не в поле пукалками размахивает, а в чистом кабинете сидит, перышком скрипит, уши от ветра бережет. И к пятидесяти годам Сидда себе такой кабинет заимел. Небольшой поначалу. После — попросторнее. А одиннадцать лет назад занял уже тот, из которого, думал, только вынесут его. Но, может, придется и на своих двоих уходить. Вот завалит это дело — как пить дать придется.

А куда ему идти?

Семьи не завел — не с его работой. К домашнему покою не приучен. Приятелей, таких, чтобы не о деле поговорить, а просто за жизнь, из-за профессиональной скрытности так и не заимел. Живность, кошки всякие, псыны, — все не про него. Коротать недолгий век в пустой квартире с угрюмой экономкой? Увольте! То есть и не думайте, чтобы уволить!

Сидда Бейнлаф еще послужит. Республике послужит, народу.

Это он, народ, думает, что Сидда ему не нужен, что можно как-то и без контрразведки жить, особенно в мирное время, и знать не знает, что не бывает его, мирного времени. Никогда. А значит, без Сидды и его ведомства не обойтись.

— Доброе утро, шеф! — Кентон, адъютант, служивший при Бейнлафе четвертый год, ожидал его у экипажа. — Домой или в управление?

— В контору.

— Фрэнк, в контору! — Отдав распоряжение кучеру, молодой человек распахнул перед начальством дверцу. — Как прошла поездка?

— Поездка неплохо, — Сидда вспомнил мягкое купе, вежливых проводников, живописные виды, открывавшиеся из окон. — А прием у Гринсла — хуже некуда. Лютует старик. Сказал, если не разберемся с делом Лленаса...

Шеф Бейнлаф, не продолжая фразу, хлопнул ладонью по кулаку. Ничего хорошего этот жест не означал.

— Кофе мне, — затребовал Сидда, добравшись до кабинета, а в кабинете — до любимого не меньше ботинок, изрядно уже продавленного кресла. — Кофе, последние материалы по делу и через полчаса всех сопричастных сюда.

Госпожа Марджори, сухопарая, не первой молодости шатенка с постным вытянутым лицом и при этом невероятно живыми темными глазами, зная предпочтения шефа, принесла сначала кожаную папку, до обидного тощую, а после — поднос с кофейником и тихо присела за столик в углу, готовая записывать каждое прозвучавшее слово.

А слова на язык Бейнлафу просились такие, что никак для записей не годились.

— Ну что, господа? — спросил он у собравшихся вскоре подчиненных.

Господа уныло молчали.

— Плохи наши дела? Вернее, одно дело. Никак, да? Мало того что чужака не нашли, так еще и конкурентов у себя под носом проморгали?

Господа заинтересованно приподняли головы.

— Начнем сначала. — Сидда любил начинать сначала, и дружный удрученный вздох десятка агентов не заставил его отказаться от этого. — Итак, летом прошлого года внешняя разведка донесла об оживлении по ту сторону гор. Гилеш, который мы привыкли рассматривать как мирного соседа... мирного и обнищавшего соседа, неожиданно стал наращивать промышленный и военный потенциал. Откуда они получили поддержку, все прекрасно знают. Стаффа и прежде не скрывала своего интереса, явно не бескорыстного. Но это их дела, и официально Линкарра не может вмешаться в этот союз, даже если Гилеш превратится в скором времени в одну из провинций Стаффы... Хоть республике, конечно, крайне невыгодно иметь под боком гигантского спрута вместо хлипкой мокрицы. Однако нас с вами внешняя политика касается постольку-поскольку. Нас с вами должно интересовать другое. А именно то, что среди прочих донесений из-за гор проскочило известие о том, что Гилеш использует некие, цитирую, «принципиально новые технические разработки». И эти новшества приходят к ним отнюдь не из Стаффы, а якобы создаются непосредственно гилешскими технарями... всего пару веков назад изобретшими колесо, да? Естественно, никто в эту чушь не поверил. А через время зацепились за одну ниточку, ведущую к нам, в Линкарру. Неловко, признаю, зацепили, так, что сразу и оборвали. Но кое-какие бумаги смогли перехватить. И в этих бумагах наткнулись на имя некоего Дориана Лленаса, уроженца Салджворта, магистра третьей степени посвящения, известного изобретателя и вообще крайне странного господина. И дело передали нам.

Господин Бейнлаф прервался, чтобы отпить воды. Пригладил седую, но пышную еще шевелюру и продолжил:

— Дело передали нам, а все, что удалось узнать почти за год: сам мэтр Лленас непосредственно в связи с Гилешем не состоит. И значит, либо существует сложная и длинная цепочка агентов, через которых он продает свои изобретения за горы, либо, что более вероятно и следует из его образа жизни и состояния банковских счетов, ничего наш маг не продает, но есть некто, имеющий доступ к его работам и тайно обогащающийся на этом. В пользу второй версии говорит и то, что изобретения мэтра Дориана в большинстве своем не нашли признания в Линкарре и не принесли ему ни богатства, ни особой славы. А наш предприимчивый некто, взяв за основу наработки Лленаса, клепают что-то свое. И продает в Гилеш потому, что в Линкарре специалисты могут уличить его в присвоении чужих работ.

Сидда снова умолк. Нет, не одышка, хвала Творцу. Просто не любил он этого и не понимал. Что магию, что всякие технические штучки. А тут главный фигурант — маг-технар. Неудивительно, что дело застопорилось.

Хотя и от магиго-технических штучек польза есть. Последние лет двадцать без этого в их работе почти не обходится. Подслушать там, подсмотреть. Снимок незаметно сделать. И одаренных стали в их ведомство принимать раза в два больше в сравнении с теми временами, когда Сидда только-только карьеру начинал, еще ни о каких кабинетах не мечтая.

— Как вам известно, все эти, кхе-кхе, изобретения гилешских мастеров не являются

чем-то из ряда вон и никак не угрожают ни гражданской, ни военной промышленности Линкарры. Но, во-первых, остается сам факт работы на иностранную державу, то бишь государственная измена, а мы с вами для того и нужны, чтобы, значит... А во-вторых, дорогой наш мэтр Лленас стал делать нечто новенькое. И кое-кто там... — шеф Бейнлаф ткнул пальцем не в потолок, как принято у многих, а в ту сторону, где, согласно компасу и карте, находилась столица, — кое-кто считает, что его последние изобретения могут перевернуть весь прогрессивный мир. Кто-нибудь из присутствующих желает, чтобы мир перевернулся? Нет? Значит, работать должны с полной отдачей.

Если бы кто-нибудь из агентов поинтересовался сейчас у шефа, что он подразумевает под полной отдачей, то не нашелся бы с ответом. Работали не первый месяц. И не абы как работали. Из всех, побывавших хоть раз в доме мэтра Лленаса, не проверили разве что залетавших туда мух. Ничего. И к самому магу не подберешься.

— И что же это так? — словно сам с собой говорил Бейнлаф. — Вроде бы вот он, как на ладони. И двери для гостей открыты... А поди попробуй в гости попасть. Приятели у него все еще с прошлых лет, новые знакомства заводит неохотно. Разве что с дамами. Но и тут мы не успели... Откуда только эта курва белобрысая вылезла?

Вопрос был риторический. Досье на Адалинду Келлар лежало на столе перед шефом рядом с другими папками. Пустышка. Жаль, что сам мэтр Дориан так не считал, и последний его роман затянулся без малого на полгода.

— Прислуги постоянной не держит, а у проходящих и времени оглядеться нет. Придумали, как ему работницу хоть на три месяца подсунуть. Так стал носом вертеть! И та ему не подходит, и эта. Кого только не отправляли, так и не поняли, чего ему надо. Блондинку? Брюнетку? Хорошенькую? Уродину? У всех девок, что он брал, общего, может, лишь рост да размер сисссы... — Взгляд Бенлафа упал на Марджори, замершую с занесенным над бумагой пером, — вот-вот кляксу посадит. — ...фигура. А взял в итоге не пойми кого.

Папка с делом Эбигейл Гроу тоже под рукой. Поначалу казалось, что вот оно, нашли. Девушка из Освина, племянница одного из тамошних главарей, на Лленаса чуть ли не сама бросилась... И опять мимо. О девчонке разузнали все, что только можно, две недели потратили. Бейнлаф, когда прочитал в отчете «швея», решил, что не все еще жаргонные словечки знает. А оказалось, и правда швея. И дядюшку ее прижали хорошо, но кроме как про ограбление ростовщика ничего не узнали. Осталось только в полицию его сдать, теперь уже небось и суд прошел, и отправили его на какие-нибудь каменоломни в Сарилийских горах.

— Шеф, вы говорили о конкурентах, — напомнил кто-то.

— Говорил, — кивнул Сидда хмуро. — Есть информация, что мэтром Лленасом активно интересуется ВРО. — И разъяснил, будто в кабинет мог случайно забрести человек, ни разу не слышавший об этих скользких господах: — Внутренняя разведка одаренных. Их соглядатай, как мне сказали, у Лленаса чуть ли не на носу сидит и все записывает, и депеши начальству с докладами строчит ежедневно. Потому знают они больше нашего. И делиться не собираются.

— Одно же дело делаем, — послышалось несмелое.

— Не одно. Им гилешские агенты до за... не интересны. Им маг нужен, со всеми его игрушками. Не исключено, что Лленасу предложат контракт. При условии полной секретности, естественно. Дадут лабораторию в подвале столичной Академии, приставят

охрану. А наш непойманный ренегат тем временем уйдет, оборвав все зацепки... Чтоб вас! — Бейнлаф со злостью стукнул кулаком по столу. — Как можно было подпустить к Лленасу шпиона одаренных?

— А как не подпустить? — подала голос Марджори. Свои слова она в протокол не вносила. — У него все приятели — маги. Наверняка кто-то из них и работает на ВРО.

— Мардж, детишки благодарны тебе за защиту, — Сидда оглядел ссутулившихся за столом агентов, — но не мели чепухи. Если кто и не любит внутреннюю разведку больше нас, так это сами маги. Потому как следят эти господа в первую очередь за своими. И я сомневаюсь, что кто-то из друзей Лленаса с ними связан. Но если связан, — шеф Бейнлаф зловеще сощурился, — мы это выясним. И сдадим соглядатая академикам. Они будут рады. Идеи есть, орлы?

Подросшие до орлов «детишки» воспрянули духом.

— Алистер Ранбаунг имеет неограниченный доступ в дом Лленаса. Мы неоднократно его проверяли, но можем...

— Можете — занимайтесь! — приказал шеф. — Еще?

— Помимо мэтра Ранбаунга, только двое достаточно близки к Лленасу: Адалинда Келлар и Эйден Мерит. Но они не маги, и по линии Гилеша связей не обнаружено.

— Все равно с контроля не снимать, — велел Сидда.

Не нравились ему эти двое. Особенно Мерит.

Бейнлаф погладил рукой одну из папок: вот он весь где. Папаша его в свое время со Стаффой заигрывал, кончил в итоге плохо. А яблочко от яблоньки, все знают... Правда, причин у него нет Гилешу продаваться: состояние господин Эйден имел приличное. Да и не нужны покойнику деньги. А вот за родителя отомстить — не кому-нибудь, а сразу всей Линкарре — мог решиться. Он же на голову больной, и не до такого додумался бы.

— Занимайтесь, — повторил Сидда. — Со всеми результатами сразу ко мне.

— Эбигейл, с сегодняшнего дня Джеком будет заниматься господин Мерит. Но тебя я от участия не освобождаю.

От этих слов девушка мысленно взвыла: мэтр Дориан, сам того не подозревая, все-таки ее наказал.

— Расскажешь господину Мериту обо всем, о чем говорила с Джеком, и постарайся вспомнить, как он реагировал на твои рассказы.

Еще чудеснее! Выходит, и отмолчаться не получится.

Эбигейл готовилась к прогулке, как к неизбежной пытке. Представляла, как два часа кряду будет терпеть ухмылки Эйдена и его сомнительные комплименты. Подсчитывала, на сколько за это время вырастет предлагаемая им цена. Гадала, хватит ли у нее выдержки не нагрубить или не ударить наглеца.

Распалила себя этими мыслями, шипела и пыхтела, как котел паромобиля... А пар спустить повода не нашлось.

В полдень Эйден вывел Джека из лаборатории. Без слов махнул Эби рукой, чтобы шла за ними, и направился в сад. Там присел на скамейку под яблоней, велел девушке сесть рядом, а механическому человеку поручил сорвать с каждого розового куста по цветку. То ли готовил его еще и к роли садовника, то ли хотел отослать подальше, чтобы не мешал.

Второй вариант показался Эби более правдоподобным, и она опасливо отодвинулась от мужчины на самый краешек скамьи.

Эйден усмехнулся этому маневру и, отвернувшись, надолго усталился в землю. А когда Эби уже устала ждать непонятно чего, негромко спросил:

— Тебя часто бьют?

— Меня? — растерялась девушка. — Кто?

— Откуда мне знать? — медленно повернулся к ней Эйден. — Но после твоих рассказов Джек понимает, что это такое — ударить человека.

Эбигейл нечего было ответить.

Никто ее не бил. Дядька замахивался порой, но привычно обходился бранью. Случалось, если бывал особо зол, мог отпустить подзатыльник, но Эби всегда уворачивалась, а он и не гнался повторить. Какой-никакой, а все же родственник, и матери-покойнице обещал, что сироту не обидит. А раз сам на племянницу руки не поднимал, то и друзьям не позволял. Поднять в смысле, а распускать — это уже другое. Но тут уж Эби сама могла затрещину отвесить или коленкой наподдать по тому месту, куда у мужиков иногда мозги стекают.

— Меня не бьют, господин Эйден. И Джека я драться не учила.

— Учится он сам, — пробормотал в пустоту Мерит. — А что не бьют, хорошо. Есть защитники? Отец? Брат? Жених?

Девушка промолчала.

— Кажется, Дориан сказал тебе, что я должен знать все, о чем ты рассказала Джеку, — напомнил Эйден. — И кое-что я хотел спросить от себя.

Эби догадывалась, что это за «кое-что», но он снова ее удивил:

— Где ты научилась варить кофе? Не думаю, что это любимый напиток обитателей Освина. Служила в чьем-то доме?

— Мама научила, — призналась Эбигейл без особой охоты. — Отец кофе любил, разный. Рецепты собирал. А зерна ему один торговец привозил, которого он от грудной жабы лечил.

— Твой отец — доктор? — заинтересованно, но без недоверия уточнил мужчина.

— Аптекарь. Был.

— А мать?

Эби закусил губу.

— Тоже была? — догадался Эйден.

— У всех были матери, господин Мерит.

Но не всем нравится обсуждать их с малознакомыми и, мягко говоря, неприятными людьми.

— Я свою не знал, — тихо произнес он. — Умерла через несколько минут после моего рождения. Отец — когда мне было одиннадцать.

Словно вдруг перестал быть упырем и превратился в обычного человека. Хотя упыри тоже людьми были когда-то.

— Отец — пять лет назад, — отвернувшись, поведала Эби кусту гортензии. — Мама — через полтора года после него. Из родни остался только дядька, мамин брат, он меня к себе и забрал. У него лавка в Освине, торгует разной хозяйственной мелочью. А я дом веду и шитьем подрабатываю. Вот и все.

Джеку она не так рассказывала. Об отце вспоминала много: о том, как в аптеке пахло, когда он снадобья в ступке растирал, о том, как цветы домой приносил и сладости для нее, как следил в первый раз, когда она кофе ему варила, чтобы на плите не передержала. Про маму тоже говорила — как она песни пела, пока шила, как волосы ей заплетала. И о дядьке

Эби механическому человеку проболталась: о том, чем он на самом деле живет.

Но Эйдену всего этого знать не нужно. Особенно про дядьку.

— Не думаю, что это все, — сказал мужчина. — Но для первого раза хватит.

Выглядел он отрешенным, словно думал о чем-то стократ важнее, чем Эби и история ее жизни. Если и хотел спросить что-то еще, то не успел: механический слуга вернулся с большой охапкой роз.

— Молодец, — сухо поблагодарил Эйден. — Отдай Эбигейл.

— Зачем? — смутилась девушка.

Молодой человек неопределенно передернул плечами, а исполнительный Джек уже всучил ей пестрый колючий букет.

— Эбигейл! — тут же раздался за спиной голос мэтра Дориана, покинувшего лабораторию не иначе как затем, чтобы уличить работницу в чем-то предосудительном. — Разве я не говорил, что не терплю в доме живых цветов?

— Это я велел Джеку собрать, — вступился за нее Эйден. — По цветку с каждого куста в парке.

— Странное задание, — не оценил маг. — Впрочем... Дайте-ка мне эти розы. Пожалуй, я знаю, что с ними сделать.

Сварит чародейское зелье? Или украсит ими паромобиль, чтобы не выглядел таким страшным?

А Эби в своей комнате поставила бы...

— Эйден, простите, но мне нужна ваша помощь, — сказал из вороха цветов мэтр Дориан. — Эбигейл обойдется без вас?

— Думаю, да, — ответил Мерит. А девушка еще бы добавила: «С радостью». — Я как раз сам хотел идти к вам. Появилась одна мысль...

Переговариваясь, мужчины зашагали к дому, а Эби, оставшись в обществе Джека, снова уселась на скамейку.

— Присаживайся, — подозвала она механического приятеля. — Сегодня будем молчать. На всякий случай.

Чего она не рассказала Эйдену, так это того, что говорила с Джеком и о его нескромной персоне.

Дориану требовалась помощь с телом, которое прислал мэтр Алистер.

Маг собирался препарировать его еще вчера, но сперва случился тот инцидент с механическим человеком, а затем мэтр Лленас принимал гостью. Эйден тактично не спрашивал ни о чем, однако дамочка, с которой он случайно столкнулся в коридоре второго этажа, его заинтересовала. Дориан никогда не жил аскетом, и женщины в его доме появлялись нередко. Но те, прошлые, не расхаживали так по-хозяйски и не хмыкали презрительно себе под спрятанный за непроницаемой вуалью нос, увидев незнакомого мужчину. Они передвигались быстрыми перебежками, а встретив невольного свидетеля их грехопадения, ойкали, краснели, бледнели и пускались наутек. Вчера же неловко себя почувствовал сам Эйден.

— Я хочу сделать несколько маготтисков, — с места в карьер взял маг. — Предпочел бы фотографический аппарат, но магниевая вспышка здесь нежелательна. Поэтому нужно подержать рамку. Вы же помните, как это?

В прошлые приезды к Дориану Эйдену не раз доводилось ассистировать ему в

лаборатории. И снимки с помощью серебряной рамки, в которую заключался лист вымоченной в специальном растворе бумаги для того, чтобы после на нем осталось изображение, — простейшее из того, чем ему приходилось заниматься.

— Помню, — кивнул он. — Но я хотел поговорить с вами.

— Потом, — замахал руками маг. — Я уже подключил токовый стабилизатор, а заряда хватит самое большее на полчаса. Идемте.

В отведенном под такого рода исследования углу на металлическом столе лежала обнаженная женщина. Если бы Эйден не знал, что она мертва, решил бы, что спит. Трупов он в своей жизни видел немало, и даже спустя час после смерти они не выглядели так: расслабленные конечности, спокойное лицо, чистая кожа. Покойнице было около сорока на вид. Типичная для уроженки Гилеша внешность: темные волосы, смуглая кожа, густые черные ресницы, из-за которых закрытые глаза казались подведенными сурьмой. Полная грудь, дрябловатый живот, широкие бедра. Обычно трупы не выглядят настолько... не трупами. Эйдену даже смотреть на нее было неуютно. Казалось, сейчас встанет и вlepит пощечину наглецу, осмелившемуся разглядывать ее в столь нескромном виде.

— Ледяное дыхание Сарилийских гор — не просто природное явление, — пояснил Дориан, заметив удивление и смятение на его лице. — Вернее, природное, если говорить о магии самой природы. Горы разделяют энергетические потоки, которые используют маги Линкарры, и те, что доступны жрецам Гилеша. Считается, что так мир контролирует равномерность распределения силы по территориям. Один-два раза в столетие по горам проходит мощный поток холодного воздуха. Его источник так и не удалось установить, как не удалось изучить и сам поток, поскольку все живое, попадающее под ледяное дыхание, вмиг погибает. Но таким вот странным образом. — Маг указал рукой на женщину. — Тела не повреждены и в течение месяца кроме того, что заморожены, пребывают в некоем аналоге магического стазиса. Одно время считалось, что их можно вернуть к жизни, но многолетние исследования показали, что это невозможно. Люди не только замерзают, ледяное дыхание гор выдувает, так сказать, из них души... К слову, именно на таких примерах и было доказано существование души как основного носителя личностных данных. Ведь тело жизнеспособно, как вы сейчас увидите. При желании можно запустить все естественные процессы. В прошлом столетии женщина... тело женщины, вроде этого, даже зачало и выносило ребенка. Но плод оказался ущербным. Это и породило теорию, что родители передают ребенку не только частицы своей плоти, что обуславливает внешнее сходство, но и частицы души, формирующие впоследствии новую душу и личность. А поскольку у женского организма душа отсутствовала, дитя родилось с душевным изъяном, и совет Пяти Академий принял решение умертвить его во имя человеколюбия.

Мерит с отвращением скривился: во имя человеколюбия не нужно совокупляться с трупом, каким бы живым он ни казался.

— В общем, не пугайтесь, если она пошевелится, — закончил маг.

Вручив помощнику рамку для съемки, он пододвинул к операционному столу небольшой столик на колесах, на котором был установлен один из его странных приборов. Под металлической обшивкой корпуса что-то гудело, а наружу змеями пробивались разноцветные провода.

— Если взять электрические катушки, я не смогу в должной мере регулировать силу тока и напряжение, — разговаривал сам с собой изобретатель. — А здесь кристаллический преобразователь энергии, вроде того, что заменяет Джеку сердце. Я использовал его не раз, и

заряда надолго не хватит. Тот, который у Джека, тоже не вечный, осталось от силы на три месяца. После придется что-то решать. Эти скупердяи из инженерной коллегии не так уж неправы, говоря о дороговизне моих проектов. Зарядить такие кристаллы нелегко, и стоят они, соответственно, немало.

Говоря, он не забывал о деле. Прикрепил провода к пальцам рук и ног женщины с помощью больших металлических прищепок, к вискам и к груди — присосками. Похожим образом он крепил электроды устройства, раскрывавшего содержимое черепной коробки Эйдена, и того прибора, с помощью которого на несколько минут перенес его в механическое тело Джека, и Мерита снова передернуло.

— Вам может показаться, что я поступаю жестоко, — предупредил Дориан. — Но не забывайте, что эта несчастная давно мертва.

Маг достал из стоявшей рядом с гудящим прибором коробки тонкую металлическую трубочку.

— Взгляните. — Он нажал круглую выпуклость на трубке, и из нее вытянулся длинный лучик света. — Это делалось как оружие. Совершенно бесполезное, учитывая, что для убийства хватает стальных клинков. Впрочем, этот легко перерубит сталь. Но все же как хирургический инструмент человечеству он нужнее. Остер, не рвет плоть, при необходимости разрез можно тут же прижечь. — Мэтр Лленас покрутил трубку, и световое лезвие уменьшилось до дюйма в длину. — Я собираюсь запустить жизненные, так сказать, процессы тела, подать импульс, который восстановит сердцебиение, а стало быть, и кровообращение, мозговую активность... если мозг, лишенный всяческой информации, может быть активен. Но рефлексы будут работать. Потом хочу сделать срез в области гортани, чтобы видеть строение и процесс сокращения связок. А затем изучить и остальное... на будущее...

...Через пять минут Эйдена уже почти не тошнило. И рамка в руках не дрожала. Нужно лишь представить, что тело на столе — муляж вроде тех, что разбирают на занятиях студенты-медики до того, как их допустят в морг кромсать настоящие трупы. Муляж, у которого размеренно вздымается грудь, дергаются время от времени конечности и вырываются из приоткрытого рта неразборчивые звуки. И в горле ровная аккуратная дыра...

— Отлично! — заключил Дориан, просмотрев снимки. — Теперь я закончу речевой аппарат в ближайшие дня два. А вы, кажется, хотели о чем-то поговорить?

— Я стану таким же? — глядя на отключенный от источника псевдожизни труп, спросил Эйден. Это был не тот вопрос, с которым он шел к магу, но пример оказался слишком наглядным. — Жизнеспособное тело без души, с мозгом, с которого стерли всю информацию?

— Нет, — пробормотал Дориан сконфуженно. — В человеческом организме, не подверженном влиянию магии, как та, что рождается в Сарилийских горах, все процессы прочно взаимосвязаны...

— Иначе говоря, я умру сразу весь, — перевел на людской язык Эйден. — Что ж, это утешает. А то, о чем я хотел поговорить... Мы можем перейти в библиотеку?

В окружении книжных полок он быстро успокоился. В конце концов, то, что с ним случилось, произошло не вчера, и хватило времени все осознать и смириться.

Но глоток бренди оказался не лишним.

— У меня появилась странная мысль о Джеке, — сказал, отставив бокал и откинувшись на мягкую спинку кресла, — подумал, что вас заинтересует.

— Что именно?

— Эбигейл не учила его драться. Даже не рассказывала ни о чем подобном. Но если бы и рассказывала, к рассказу нужна наглядная демонстрация. Я подумал... Мне показалось еще вчера, когда Джек толкнул меня, что он действовал по ситуации. Сделал то же, что сделал бы я сам, если бы при мне какой-то грубиян приставал к девушке. Не в светском салоне, конечно, но я не жалую их в последние годы... В общем, у меня возникло бредовое подозрение, что Джек научился этому от меня. После того, как вы подключили меня к искусственному сознанию, чтобы настроить зрение...

— Вы хотели сказать, во время того, как я подключил вас, — поправил маг.

— Нет. — Эйден покачал головой, чувствуя, что от бренди она сделалась совсем легкой и привычная боль в затылке притупилась. — После. Мне кажется, между нами осталась связь. Я как будто ощущаю себя... часть себя внутри механического тела. И эта пустота, отсутствие чувств, кроме зрения и слуха, и мои собственные мысли словно заперты в его безмозглой черепушке...

— Вам кажется, — уверенно прервал его Дориан. — Связь была кратковременной, я тут же перекрыл канал, он не продержался бы без питания. Я лишь не учел, насколько человеческое сознание несовместимо с искусственным организмом, и тот дискомфорт, который вам пришлось испытать. Простите. Но Джек, вероятно, успел позаимствовать у вас что-то. Случайные мысли и эмоции могли записаться в его память, и я думаю, это только на благо. Наверное, можно попробовать заложить основы его поведения, включив в матрицу снимок сознания конкретной личности...

— Ну уж нет! — отказался Эйден поспешно. — Больше я в его шкуру не влезу. Ищите других добровольцев.

— Я бы нашел, — протянул маг. — Но не буду. Человеческое сознание далеко от идеального. Вдруг мой механический слуга начнет бояться грома или сочинять стишки ночами? Нет, нет и нет. Потрачу чуть больше времени и снабжу Джека только необходимыми навыками. А вы постарайтесь выбросить эти глупости из головы. Связи между вами нет, ручаюсь. Но если из-за этих тревог вам неприятно заниматься с Джеком...

— Нет, все в порядке. Прогулки в саду полезны нам обоим.

Не поздно было вернуться к Эбигейл и ее механическому защитнику, но Эйден предпочел еще один бокал бренди и тишину своей спальни.

Если Дориан говорит, что никакой связи нет, ему стоит поверить. Просто нервы и странные фантазии. Навязчивые. У него в последнее время все фантазии навязчивые...

А Лленас зачем-то забрал розы. Испортил хорошую идею.

Придется придумать еще что-нибудь.

Остаток отведенного на прогулку времени Эби молчала. Ни слова. Даже когда припекло высказаться насчет общества господина Мерита, которого к ним с Джеком приставили, и судя по всему — надолго.

По правде сказать, необходимости в присутствии Эйдена она не видела, как уже и в самих прогулках. Джек двигался гораздо лучше, чем в первые дни, и следовало начать учить его чему-то новому. В доме, например. Хотя и в доме Эйден вряд ли от них отстанет. Будет лезть во все, давать указания, такие же глупые, как сегодняшнее...

Когда они уже шли к крыльцу, механический человек вдруг остановился у куста роз, сорвал пышный цветок на длинном стебле и протянул Эбигейл.

Вот! Теперь придется отучать его розы обрывать.

— Больше не нужно, Джек, — сказала она строго. — Никогда так не делай, если тебя не просят.

Но цветов взяла.

Корзину принесли под вечер.

Горничная постучала в комнату к Адалинде и растерянно сообщила, что доставили цветы, но посыльный отказывается их отдавать, так как ему не заплатили за доставку, и он решил, что рассчитается получатель.

Рассеянность вполне в духе Дориана!

Возможно, он и не подозревает, что курьеру нужно платить.

— Так дай ему из «молочных» денег, — пожала плечами госпожа Келлар. В кухне всегда лежала мелочь на хозяйственные нужды. — И не забудь добавить на чай.

Розы были прекрасны. Даже невзирая на то, что некоторые цветы поникли, а с иных осыпались лепестки, — прилагаемая записка все компенсировала.

— «Весь день думал о тебе, — с улыбкой зачитала красавица. — Бродил по саду, сорвал с каждого куста по цветку»... Как думаешь, врет?

Возлежавшая на подушках трехцветная кошка, которой адресовался этот вопрос, насмешливо фыркнула.

— Конечно, врет, — согласилась Адалинда. — Но все равно это мило.

Кошка нервно дернула усами и вытянула шею, словно поправляя украшавшее ее ожерелье. Янтарные подвески тихонько звякнули.

— Ты — старая зануда, Роксэн, — пожурела любимицу женщина. — Я знаю, что дело прежде всего, но...

Розы похожи на те, что цветут в его саду.

Может, и не врет...

В первые три дня, сопровождая Эби с Джеком на прогулке, господин Мерит вел себя пристойно. Не приставал, денег не предлагал. Расспрашивал, но не слишком дотошно, про семью, про жизнь в Освине... понравились ли ей конфеты...

Не видя в нем больше опасности, Эби расслабилась, успокоилась. И попалась как последняя дуручка.

Из-за меда. В сотах.

Он просто достал из-под полы сверток, положил на скамейку между ними и медленно, аккуратно отдирая бумагу от липких желтых брусочков, развернул.

— С детства люблю, — признался, облизывая пальцы. — Именно такой. После смерти отца жил в поместье двоюродной тетки, там впервые и попробовал. Жуешь, жуешь, пока не останется один воск, скатаешь из него шарик и плюешь через трубочку в портрет последнего монарха... А что? Я — верный сын республики, а Карлу уже все равно. Угощайся.

Он сам взял первый кусок, и Эби отвернулась. Что-то неприличное было в том, чтобы есть руками, слизывая с пальцев тягучие золотистые капли, а потом, за неимением трубочки, кидать восковые шарики, целясь в пышные шары пурпурных георгинов... И очень хотелось последовать примеру Эйдена.

— Бери, не стесняйся.

Для пристойности выждав еще немного, девушка протянула руку за угощением.

Откусила, стараясь не уподобляться чавкающему в свое удовольствие господину Мериту. Жевала медленно и чинно, а остававшийся воск аккуратно вынимала изо рта и бросала под скамейку...

Но как же вкусно! Вкуснее, чем конфеты.

Забытая сладость детства.

Дед покупал мед у соседа-пасечника. В сотах редко, но бывало. Резал тогда ровными брусочками и ставил на стол рядом с большим фарфоровым чайником и вазочкой с вареньем. Воск прилипал к зубам. Мама безуспешно напоминала, что брать кусочки нужно вилкой... И не раскачиваться на стуле...

Эби зажмурилась, представляя себя вновь маленькой девочкой, непонятно когда успевший придвинуться к ней мужчина будто этого и ждал: обхватил ее лицо липкими от меда руками, развернул к себе и поцеловал.

Не так, как в первый раз. Мягко, осторожно. Пробуя на вкус ее губы...

И отстранился прежде, чем она успела что-то сделать или хотя бы подумать о том, что нужно что-то сделать.

— Сладкая.

Она вскочила со скамьи, задыхаясь от возмущения. Кровь прихлынула к лицу, растеклась румянцем по испачканным медом щекам. В горле перехватило... А он как ни в чем не бывало поднялся неспешно, достал платок, намочил в садовом фонтанчике, оттер пальцы и протянул батистовый лоскуток Эби.

Девушка демонстративно вытерла рот рукавом, развернулась и, ни слова не сказав, ушла в глубь сада.

А Джек безмозглый топтался все это время рядом со скамейкой. И за ней не пошел.

Возможно, Эби долго не успокоилась бы, но новое происшествие заставило забыть о выходке Эйдена.

Вернувшись из сада, она отправилась на кухню, посмотреть, что приготовил к обеду господин Блэйн, чтобы знать, как сервировать стол. Мэтр Дориан в подобных вопросах был неприхотлив и первые дни даже не замечал, какие приборы она ставит на стол, но после девушка специально расспросила повара о правильной сервировке, зарисовала для себя и теперь, тщательно сверяясь с бумажкой, раскладывала все эти вилки, ложки и пирамиды тарелок...

За этим ее и застал звонок в дверь.

За неполный месяц, что Эби прожила в доме мага, подобное случалось лишь дважды. Гости, как ей и было сказано, заходили сами, а в те два раза приходили посыльные.

Эбигейл решила, что и сейчас принесли какой-нибудь пакет, но, открыв дверь, увидела на крыльце хорошо одетого мужчину лет пятидесяти, явно не из служащих: дорогой темно-синий костюм, высокая шляпа, из-под которой выбиваются чуть выющиеся пшеничного цвета волосы с редкой сединой, в руке трость. А лицо у гостя холеное, породистое, хоть картину пиши. Но недоброе. Не только из-за высокомерно вздернутого подбородка, большого носа с хищно раздувавшимися ноздрями и презрительного взгляда, которым он одарил открывшую ему девушку. Просто недоброе.

— Мне нужен мэтр Лленас.

— Прошу прощения, но его нет, — как и учили, ответила Эби.

Незнакомец прищурил холодные светло-голубые глаза и брезгливо выплюнул:

— Врешь!

Он шагнул в дом, и Эби посторонилась, чтобы не быть раздавленной.

— Где он? — огляделся, пройдя в холл, мужчина.

Мэтр Дориан работал в лаборатории и должен был выйти ровно через пятнадцать минут, к обеду. А до этого беспокоить его можно лишь в одном случае. И Эйден неизвестно где. Но этого лучше и не звать...

Оставался единственный выход.

— Простите, — вежливо обратилась к незнакомцу Эби, — вы не могли бы что-нибудь поджечь?

Он поглядел на нее — как надо поглядел, учитывая, что она только что ляпнула, — как на дуру. И вдруг расхохотался:

— Поджечь? Легко!

Махнул рукой, и лежавшие на круглом столике газеты вспыхнули ярким пламенем.

Эби отреагировала мгновенно: кинулась к двери с секретным замком и забарабанила по лакированному дереву:

— Пожар! Мэтр Дориан, пожар!

Дверь отворилась, и маг в сером рабочем халате выскочил в холл, вооруженный большим металлическим цилиндром. Не испуганный, но взволнованный.

Впрочем, волнение на его лице скоро уступило место возмущению: газеты уже потухли сами собой, а на мебель огонь не перекинулся.

— Эбигейл!

«Точно в тюрьму вернет», — подумала девушка. Но там хоть Эйдена не будет — уже радость.

— Тут к вам пришли еще, — буркнула она, отступая в сторону, чтобы не загораживать

гостя.

— А, Найлс. — Хозяин прищурился. Показалось, сейчас метнет непонятную штуковину в высокомерного господина, но вместо этого шире распахнул дверь в лабораторию. — Входите.

При этом посмотрел на Эби так, что у нее тут же появилась мысль о том, что нужно плотно пообедать. Напоследок.

Но сделать этого девушка не успела.

Сначала она убрала в холле, а едва закончила накрывать стол для господ, появился мэтр Лленас. Гостя он, видимо, уже выпроводил и теперь пришел разобраться с ней. Понутившись под его взглядом, Эби размышляла, успеет ли она прихватить что-нибудь из холодильного шкафа, и о том, что нужно не забыть забрать свое платье и боты, если, конечно, ее не заставят сразу же переодеться.

Маг хмурился все сильнее и сильнее. Морщился, кривил губы.

— Эбигейл... Эби, я ценю твою находчивость...

На мгновение отвлекшись от мыслей о возвращении в тюрьму, девушка с удивлением поняла, что хозяин с трудом борется со смехом.

— Пожар, да. Я помню. Но впредь предлагаю относить визиты мэтра Найлса и ему подобных к вторжению вражеских войск.

— Хорошо, мэтр Дориан. — Она низко склонила голову, чтобы он не заметил вспыхнувших щек и скользнувшей по губам улыбки.

— Но по твоей милости я остался без свежих новостей, — сурово напомнил маг. — Так что придется тебе купить мне новые газеты.

— Купить? Но я же...

Вместо объяснений она вытянула вперед руку, показывая обхвативший запястье ободок, украшенный голубым камушком.

— Вздор! — отмахнулся мэтр Дориан. — Не думай, что кто-то другой станет исправлять твои ошибки.

Легко, безо всякого ключа, он снял с нее браслет и достал из кармана банкноту в десять рейлов.

— Вот. Встретишь мальчишку-разносчика или дойдешь до почты. Это вниз по улице три квартала, а потом налево... или направо. купишь утренние номера «Салджвортского вестника», «Академический курьер» и какой-нибудь «Глас народа» или «Фабрикант». Новости приходят отовсюду.

Уже через две минуты Эби стояла за каменной оградой особняка, час назад казавшейся ей крепостной стеной.

Свободная.

В новой добротной одежде и с деньгами, на которые можно жить целый месяц...

Приступы участились, но Эйдена это не беспокоило. Он уже разучился тревожиться за свою жизнь. Да и не больно, в общем-то: просто закружится вдруг голова, в глазах потемнеет, и летишь в пустоту... А оказываешься на газоне. И если, разомкнув веки, увидишь склонившуюся к тебе веснушчатую мордашку, поймашь взволнованный взгляд — почему бы и нет?

Но сегодня слабость и темнота настигли его в доме. Не было мягкой травы, никто не спешил справиться о его самочувствии. Не было теплых, упрямо ускользающих губ, чья

сладость могла бы разбавить остававшийся после приступов горьковатый привкус во рту... А значит, не было и причин разлеживаться на полу в коридоре второго этажа.

Когда из головы выветрился туман, оставив лишь тупую боль, с которой за годы Мерит уже сроднился, молодой человек поднялся и, придерживаясь за стену, добрел до своей комнаты.

Хотелось рухнуть на кровать, но он заставил себя зайти в ванную. На ощупь, щурясь от режущего глаза света, открыл краны...

К обеду он спустился, полностью приведя себя в порядок, и почти не опоздал. Дориан как раз разливал по тарелкам суп.

— Где Эби? — Эйден сначала сел за стол, а уж после понял, что не так в открывшейся ему картине.

— Я послал ее купить газет, — ответил маг. — Те, что принес с утра почтальон, теперь можно прочесть лишь посредством сложного и энергоемкого ритуала.

— А, газеты...

Определенно, он туго соображал после приступа. Зачерпнул ложкой ароматного варева, поднес ко рту... и замер на несколько секунд. Сглотнул скопившуюся на языке тягучую горечь.

— Купить? Вы выпустили ее из дома?

Дориан безмятежно улыбнулся:

— Выпустил. И денег дал. Целых десять рейлов!

Эйден медленно опустил ложку в тарелку.

— Вы упрекали меня в том, что я не замечаю людей, — пояснил донельзя довольный собой хозяин. — Я заметил. Девушка она неплохая, неглупая, так что, если вернется, быть может, предложу ей постоянную работу. Мне возвратили старый долг, так что я в состоянии нанять прислугу.

— А... если не вернется?

— Значит, не найму, — пожал плечами маг. — Зачем мне служанка, которая может сбежать с моими деньгами?

Мерит стиснул зубы и вцепился в край стола.

— Вам нехорошо? — забеспокоился мэтр Лленас. — Воды?

— Н-нет. Просто выйду. На воздух. Я... Я выпил бы кофе, но раз Эби нет... Давно она ушла?

— Около пяти минут назад. Почта недалеко, так что еще через десять придет обратно... Если придет. А если нет, у меня есть кофейный аппарат. Вы же помните?

...Время, лениво подталкиваемое неторопливыми стрелками часов, медленно текло по циферблату. Каждая секунда — капля вязкого меда. Горького...

Кому нужен горький мед?

А сваренный машиной кофе с запахом и привкусом металла?

Как только Дориан додумался до такого?

Десять рейлов!

Что такое десять рейлов?

Он предлагал ей больше. Двести. Или уже триста... Да хоть пятьсот!

А десять... Это же сущая ерунда.

Но для нее, наверное, нет.

Иначе вернулась бы.

Десять минут, за которые он со злости вытоптал клумбу с настурциями, уже прошли... И он принялся за петунии...

Краем уха уловил шум с улицы. Экипаж. В экипаже она не приедет. Не придавал значения. Не пошел навстречу — наоборот, отвернулся к дому и уставился на пляшущий на крыше флюгер...

Флюгер пляшет — она так сказала... Когда?

Не вспомнил. Не успел, услышав шаги за спиной. Резко обернулся...

— Не жаль цветочков?

Она стояла на дорожке всего в двух шагах.

Не та она, другая.

Шелковое платье цвета спелой сливы, украшенное богатой вышивкой. Кокетливо сдвинутая набок миниатюрная шляпка. Волосы неестественно светлые.

А взгляд насмешливый. Даже через скрывающую лицо вуаль чувствуется.

— Не жаль, — бросил он раздраженно.

— Ну-ну.

Она продолжила путь к крыльцу, потеряв к нему всякий интерес. А у него к ней никакого интереса и не было...

И петунии, которых не жаль, уже втоптаны в землю.

Но Дориан вряд ли заметит. Особенно в ближайший час...

Час... Час он не выдержал. Сорок минут. Сколько раз за это время можно дойти до почты и обратно?

Цветов на клумбах еще много. Но какой смысл?

Лучше вернуться в дом.

Запустить кофейный аппарат...

Калитка не скрипела — было бы странно, если бы в жилище мага-техника хоть что-нибудь работало со скрипом, — и Эйден почти дошел до крыльца, когда почувствовал чей-то упершийся в спину взгляд.

Остановился. Тот, кто шел следом, тоже замер.

Эйден не торопясь развернулся. Девушка застыла, не осмеливаясь приблизиться. Прижала к груди ворох газет и опустила голову.

— Где тебя носило? — спросил он сердито.

— Мэтр Дориан просил купить газет. У разносчика не нашлось сдачи с крупной банкноты, пришлось идти на почту.

— Почта всего в двух кварталах, — произнес он грозно, сам не зная, в каком обмане хочет ее уличить.

— Я заблудилась. Свернула не туда. А дома тут похожи...

Он молчал. Медлил, заставляя ее ждать, как она заставила ждать его.

После кивнул, принимая объяснения.

— Кофе, — приказал коротко. — Принесешь в библиотеку.

Визит Адалинды стал для мэтра Лленаса неожиданностью. Не то чтобы он не был рад, но...

— Что тебя беспокоит?

Сидя у него на коленях, она ласково перебирала его волосы.

В волосах седина. Еще год-два, и виски полностью побелеют. Совсем старик. Осенью

сорок восемь. А ей и тридцати нет. Двадцать пять, двадцать шесть — он не спрашивал...

— Что-то не так с Джеком?

— Нет. — Маг покачал головой, заодно избавляясь от ненужного внимания к своей шевелюре. Хватит считать по серебряным ниточкам прожитые им годы.

— Что тогда?

— Эйден, — признался он. — Все слишком быстро.

— Не нужно было его приглашать.

— Это наш старый давнишний уговор. Я обещал. Ты же знаешь.

Нехорошо выдавать чужие секреты, но однажды она спросила, и он не смог солгать. Отчасти потому, что сам хотел поделиться с кем-нибудь, а Адалинда не из тех, кто превращает открывшиеся им тайны в достояние широкой общественности.

Она не такая, как другие женщины, не только в этом — во всем.

— Знаю, — кивнула она. — Это благородно с твоей стороны. А Эйден — бессовестный эгоист. Если бы он по-настоящему ценил твою помощь, избавил бы тебя от необходимости наблюдать последние дни его жизни. Даже животные уходят умирать подальше от дома.

Прозвучало это жестко, если не сказать — жестоко. Но в чем-то она была права.

— Теперь ты вынужден думать лишь о нем и отвлекаться от работы.

— Нет. Я... — Было стыдно сознаваться в том, что от работы его не отвлечет ожидание смерти. Даже собственной. — Я почти закончил речевой аппарат. Завтра установлю устройство в прототип, за пару дней составлю лексикон. Эйден поможет, его это развлечет... насколько возможно... Потом останется неделя на доработку. Для наглядности нужно обучить Джека выполнять какую-нибудь домашнюю работу, и можно будет его показывать.

— Кому?

— Алистер сказал, что в конце месяца в Академию прибывает мэтр Рисетт — один из семи архимагов Линкарры, представляющий одаренных в парламенте. Он курирует научные вопросы. А поскольку Джек — создание более магическое, нежели техническое, я подумал, что вернее будет представить его братьям по дару, а не инженерной коллегии. Если только удастся добиться приема у архимага.

— Уверена, ему понравится.

— Надеюсь. Честно говоря, я хочу представить на рассмотрение еще один проект. Это связано с Джеком в какой-то степени, но не имеет отношения к механике. Давняя моя задумка, я даже написал несколько статей по этой теме, но их не очень хорошо приняли в ученом сообществе. Якобы это не по-человечески... и некоторые моральные нормы... Но я хочу попробовать, если мне не откажут... в рабочем материале, в том числе...

Адалинда слушала внимательно, а сапфировые глаза, и без того огромные, делались все больше и больше.

— Я чудовище? — робко спросил он под конец, ожидая упреков.

— Ты — гений, — тихо ответила она. — И временами это пугает.

— Так думаешь, стоит рискнуть?

— Да. Но рассказывать об этом пока никому не нужно. Даже Алистеру. Потому что...

— Потому что если ничего не выйдет, меня снова поднимут на смех, — закончил он. И Алистер, невзирая на многолетнюю дружбу, будет первым. — Поэтому и делюсь лишь с тобой, ведь ты далека от мира магических наук.

Адалинда с сожалением вздохнула.

Мэтр Дориан хотел сказать ей, что это вовсе даже неплохо, но прежде чем успел, она

крепко обняла его и закрыла ему рот поцелуем.

Эби понимала, что господин Мерит о ней подумал и почему так разозлился, но она не собиралась никуда уходить. Лишь на минутку появилась шальная мысль, но пропала, стоило оглядеться: вокруг дома приличные, улица чистая, фонари, деревца... Бежать отсюда в Освин? Ну уж нет!

Потом, конечно, придется вернуться к дядьке, потому как больше некуда. Но то потом. А пока у нее оставалось еще два месяца сытой, спокойной... почти спокойной жизни. Несложная работа, уютная комната. Джек...

Джек заговорил.

Хорошо, что мэтр Дориан заранее предупредил, а то Эби удар хватил бы, когда она услышала от механического человека: «Добрый день». Но все равно испугалась немного. Голос у него сразу страшный получился: басовитый, раскатистый. Потом хозяин отладил что-то, тише стало и на слух приятнее.

И слова он приятные говорил.

Хотя слова — не его заслуга. И уж точно не мэтра Дориана.

— Ты красивая, когда улыбаешься.

Врун. Эйден.

Подучил механического человека говорить так всякий раз, когда она кривила рот.

Джек-то безмозглый, ему любая гримаса за улыбку сойдет, вот Эби и развлекалась: соорудит жуткую рожу, губы в тонкую ниточку растянет, глаза выпучит.

А он ей:

— Ты красивая.

Живот надорвешь!

Господину Блэйну показала — повар до слез хохотал.

Правда, Эйден уже через день догадался и механического человека переучил. Эбигейл не знала, по привычке оскалилась на него... На Джека, хотя хотелось на Эйдена... А он ей строго так:

— Смотри, на всю жизнь такая останешься!

И пальцем погрозил.

Но все равно смешно вышло.

Она бы и сама его каким-нибудь шуткам выучила, но мэтр Дориан за это вряд ли похвалит. Маг только Эйдену позволял Джеку «речь развивать». А Эби приказал обучить механического человека за столом прислуживать.

Тот с одного раза все запомнил, безо всяких бумажек. Вилка рыбная, вилка салатная, фужер для воды, для вина. Подумалось, что если начнут таких слуг сотнями делать, обычные люди совсем без работы останутся...

А потом мэтр Дориан про Джека будто забыл. Как голос ему сделал, так на этом и успокоился. Но в лаборатории по-прежнему целыми днями сидел, иногда и поесть не выходил.

Эйден в эти дни тоже изменился. Присмирел. То ли понял, что ничего ему с Эби не светит, то ли новую пакость обдумывал. Но пока обдумывал, вел себя прилично и целоваться не лез.

Конфеты только подарил, такие, как в прошлый раз: Джека с коробкой подослал и велел

по пятам за ней ходить, пока не возьмет. И розы еще. Или это Джек сам — у него-то не спросишь, что в его голове безмозглой происходит, что он цветы рвет и ей носит...

И смотрит так странно. Эйден.

А глаза у него, оказывается, светлые. Карие, но светлые, почти желтые. Как тот мед...

Медом он опять ее угощал, но Эби, уже ученая, и близко не подошла. А он рассмеялся, завернул сочащиеся янтарем соты обратно в промасленную бумагу и сверток этот в комнату ей подкинул.

Не выбрасывать же было?

— Скучно.

Мэтр Дориан снова засиделся в лаборатории, а Эби, закончив с домашними делами, собиралась лечь спать пораньше, когда господин Мерит вызвал ее в гостиную. Как выяснилось, только для того, чтобы пожаловаться на скуку.

— Сыграем в карты?

— Простите, господин Мерит, я не умею.

— Шутишь? — мужчина удивленно приподнял бровь. — Или врешь?

— Не шучу и не вру. Карты — дурная игра.

— Надо же, — сказал он, словно отродясь не слышал того, что в Освине каждому малолетке известно: то, что начинается за карточным столом, заканчивается на плахе. — А какая же тогда не дурная?

Эбигейл пожала плечами.

— Лото. Или шашки. Шахматы.

— Играешь в шахматы? — заинтересовался молодой человек.

— Нет, — коротко ответила девушка, хотя когда-то отец, пусть и говорил, что это не для женского ума, пытался учить, и что-то еще помнилось.

— И чем же займемся?

— Можно лечь спать, — предложила она и тут же покраснела, представив, как Эйден сейчас перекрутит ее слова.

— Спать не хочу, — вздохнул мужчина, упустив возможность ее поддеть. — Приготовь кофе.

— Тогда спать еще не скоро захочется, — предупредила Эби.

— А хоть бы и до утра. Неси полный кофейник. Только не сюда, наверх.

— К вам? — уточнила девушка, чувствуя подвох.

— В обсерваторию. Будем на звезды смотреть.

Если бы Эби хотела посмотреть на звезды, она вышла бы в сад. Но ее желания никого здесь не интересовали.

Пришлось готовить кофе и нести на второй этаж, в небольшую круглую комнату, куда до этого она заходила лишь раз: протерла большую медную трубу на треноге, смахнула пыль со стола, вымыла пол и ушла, не найдя ничего для себя интересного.

Видать, не туда смотрела.

Судя по тому, что застала Эйдена прильнувшим к узкому концу выставленной за окно трубы, нужно было в нее, в трубу, глядеть.

Мужчина так увлекся, что даже на звук открывшейся двери не обернулся, просто рукой махнул:

— Поставь где-нибудь и иди сюда.

— Зачем?

— Лунные моря тебе покажу, сегодня хорошо видно.

— Моря? На луне?

Совсем за дуру ее держит?

— Говорят, раньше луна почти не отличалась от нашей планеты. И жизнь там была, и леса, и реки, и горы, и моря... Горы и сейчас можно увидеть. А темные выемки называют морями. Сама посмотри!

Как тут отказаться? Интересно же!

...А на деле — ни лесов, ни рек.

Серое все, неуютное.

Лишь неровное темное пятно и вправду походило на море.

— А вот тут, гляди, горы. — Эйден покрутил колесико на треноге и труба немного развернулась. — Видишь, там, на самой большой, как будто дом стоит?

— Где?

Эби силилась разглядеть что-то хоть отдаленно напоминавшее строение, но ничего подобного не находила.

— Должен быть. — Мужчина заглянул через ее плечо, еще немного подкрутил колесико. — Сейчас отыщем.

Он приблизился вплотную, прижался к ее спине и еще чуть-чуть трубу повернул. А второй рукой Эби за талию обнял...

— Вот здесь, — шепнул, касаясь губами ее уха. Дыхание тяжелое, жаркое, а по коже отчего-то мурашки, как от сквозняка. — Смотри внимательно. Видишь?

— Н-нет...

Она попыталась выкрутиться, а он словно и не удерживал. Только обнял чуть крепче, положив ладонь ей на живот. Ладонь у него была горячая, и этот жар чувствовался даже через одежду, словно той и не было вовсе. Щеки запылали, и дышать Эби стало трудно. Оттолкнуть бы его и выскочить за дверь, но девушка вдруг оцепенела. Только чувствовала, как колет шею жесткая щетина, да осмелевшая рука ползет вверх, сначала медленно, а после, уверившись в полной безнаказанности, скорее, чтобы накрыть приподнятую корсетом грудь...

— А теперь видишь?

Забавляется.

Нет там никакого дома, и быть не может.

Снова Эби попалась, как на тот мед.

Влипла.

— Я закричу, — пригрозила она неуверенно.

— Это, крошка Эби, как тебе угодно, — усмехнулся он. Вытащил зубами из ее волос шпильку, бросил на пол. Потом так же — вторую. — Кто-то кричит, кто-то тихонько постанывает...

Эбигейл словно ледяной водой окатили.

Очнулась. Вырвалась, развернулась к нахалу и замахнулась, чтобы ударить. Ну и пусть ее потом в тюрьму возвращают, пусть еще три месяца отработки назначат. Да хоть пожизненную каторгу, лишь бы от него подальше!

Но не вышло: Эйден перехватил ее руку, с улыбкой поднес к губам и до того, как пальцы сжались в кулак, успел поцеловать ладонь.

Посмотрел в глаза и спокойно произнес:

— Десять тысяч.

Девушка растерянно моргнула.

— Десять тысяч, — повторил он четко. — По-моему, неплохая цена.

— Вам деньги девать некуда? — не нашлась с другим ответом Эби.

— Некуда, — подтвердил он беспечно. — И мало времени, чтобы их потратить. Месяца три-четыре. В лучшем случае — полгода.

— А в худшем? — зачем-то спросила Эби.

В мыслях у нее все смешалось, голова пошла кругом.

Моря лунные, глаза желтые...

На десять тысяч всю жизнь прожить можно, и не в Освине, а в хорошем районе. Домик купить с садиком, огород разбить, чтобы летом всегда свежие овощи и зелень к столу иметь, как у них было, когда еще в Грислее с отцом и матерью жили...

— В худшем, если прямо сейчас уйду от Дориана, недели две.

Врет?

Не похоже.

Но, может, и врет.

На жалость давит.

— Ты же девушка порядочная. Я это ценю. Высоко ценю, как видишь. И не тороплю. — Он улыбнулся и разжал пальцы, отпуская ее запястье. — Времени у меня немного, но оно еще есть. Подумай.

Вот сейчас бы сбежать.

Так нет...

— Хочешь, угадаю? — прищурился Эйден. — У тебя никогда не было мужчины. Ты ждешь своего единственного, и все у вас будет по большой любви и только после свадьбы. Так? Дальше ты станешь рожать ему детей, штопать носки, варить обед и дожидаться вечерами с работы... Но это мечты, крошка Эби. Даже если тебе повезет встретить такого же наивного мечтателя, долго вы вдвоем на одних мечтах протянете? Другое дело с деньгами. Купишь дом, остаток положишь в банк — захочешь, даже подскажу, в какой выгоднее, — будешь жить на ренту, и работать не придется. Мужа себе найдешь не из освинских голодранцев, а кого посолиднее. И не будешь до старости упреки глотать, что всем в жизни ему обязана.

Эбигейл слушала и не знала, чем возразить.

Гадко, неприятно. Но, если подумать, правильно. С деньгами, конечно, лучше, чем без денег. А с большими деньгами совсем хорошо.

И главное, от нее ведь немного надо. Как-то ведь другие... Да?

А там она от мэтра Дориана уйдет, и Эйдена никогда уже не увидит, и думать забудет... если получится... Отчего бы не получилось?

Если в храме свечу золоченую купить и «Слався Творец» десять раз на коленях прочитать, то и Всемогуший простит. Блудницам всяко легче прощается, чем вора и убийцам. Да и один раз — невелик грех...

— А чтобы совсем ничем не попрекнул, — растянул, подводя итог Эйден, — так и потерянную девственность найти — не вопрос. Целители этим товаром вразвес торгуют. Есть деньги — нет проблем.

И так ухмыльнулся при этом, что Эби все-таки ударила.

Не как сразу собиралась, к пощечинам эта морда благородная небось привычная, а вот кулаком, и со всей силы...

Что-то хрустнуло, хлопнуло, руке больно стало — как о стену со всей дури саданула...

Не дожидаясь, чем ей ответят, выскочила за дверь и, не останавливаясь, припустила бегом вниз по лестнице. Заперлась в своей комнате. Отдыхалась. Зажгла лампу и достала из шкафа платье, в котором пришла в мажий дом, и старые боты, рассудив, что после такого ее точно в тюрьму отправят.

Хотя сломанный нос — тоже не беда. Целители это быстро поправят. И стоит небось поменьше, чем утраченная невинность...

Она так и сидела, прижав к себе пожитки, ожидая, что вот-вот послышатся за дверью шаги и грозные голоса тех, кто вернет за решетку строптивую служанку, посмевающую поднять руку на господина, а в голове вертелись мысли, которые при всем желании не облечь в слова. Что-то про домик с садом... на вершине лунной горы... Про молитвы Творцу, отчего-то успокойные... И свеча золоченая — в искупление... глупости... Умная бы деньги взяла. А она, дура, в тюрьму собралась, к крысе...

Крыса жирная, наглючая. Глядит, ухмыляется, глазки голодно блестят... А потом как прыгнет Эби на грудь. Придавила. Зубами у самого носа — клац! А в лапке у нее колокольчик махонький: динь-динь, динь-динь...

Эбигейл открыла глаза.

Лампа еще горела, но в комнате и без этого было светло. В ушах стоял звон волшебного колокольчика мэтра Дориана, а на груди у нее вместо крысы, задрав сбитый нос, лежал ее же ботинок, тот, что достала с ночи из шкафа.

— Не торопишься, — беззлобно упрекнул маг, когда она, поправив одежду и наскоро приведя в порядок растрепавшиеся волосы, появилась в гостиной. На девушку он не смотрел, пальцем вычерчивая на темной поверхности чайного столика линии и фигуры, которые вспыхивали на мгновение, образуя непонятный Эби рисунок, и тут же гасли. — Кофе мне и что-нибудь... с джемом... А после сделаешь чай для господина Мерита. Кофе ему сегодня не нужен... Наверх отнесешь.

— П-почему?

Она и сама не сказала бы, о чем был этот вопрос. Почему она еще здесь? Почему ее даже не отчитают за вчерашнее? Почему господину Мериту не нужен нынче кофе, или почему — наверх...

— Он неважно себя чувствует, — не отвлекаясь от таинственного чертежа, ответил маг. — Упал, разбил нос. Говорит, что остутился... — Мэтр Дориан вдруг вскинул голову, посмотрел прямо на Эби и закончил резко: — Врет.

«Знает, — пронеслось у нее в голове. — Все знает».

— Врет, — хозяин вздохнул. — У него случаются приступы, а он не говорит. Так что, если заметишь что-то неладное, рассказывай мне.

Эби вспомнила тот случай в саду. Тогда думала, что он это специально, чтобы... ну это... А ему, наверное, в самом деле плохо было. Поначалу.

А сегодня наоборот. Сначала он, значит... А потом ему уже плохо. Потому что она его... Кулаком.

Поняв, что мэтр Дориан ни о чем не подозревает и не видит причин отправлять ее в тюрьму, девушка на мгновение успокоилась, чтобы в следующую секунду занервничать еще сильнее, но уже по другому поводу.

Пока молола кофе, дрожь в руках почти не мешала. Но когда поставила на горелку, а затем попыталась перелить в чашку... Пришлось долить до верху сливок — господин Дориан сейчас вряд ли что заметит, лишь бы послаще было. Но сахар сыпался на стол, и от полной ложки хорошо если половину удавалось доносить.

А уж когда заварила чай, чудом не облившись кипятком, и пошла на второй этаж, поднос так и плясал в руках, дробно звеня посудой.

Эйден полулежал на постели, откинувшись на высоко поднятые подушки. Глаза закрыты, руки покоятся на одеяле — тонкие кисти с бледной, исчерченной голубыми прожилками вен кожей выглядывают из широких рукавов рубашки, длинные пальцы кажутся стеклянными... И лицо бледное, только на припухшей переносице темнеет свежий кровоподтек. Сильно она его, сама не думала...

— Поставь на стол. — Эби чуть не выронила поднос, услышав его голос. — И уходи.

Она бы с радостью, но как-то не по-людски получалось. Хотя он и сам виноват, если разобраться.

— Вам плохо, господин Эйден?

— Бывало и хуже.

— Я не хотела.

Он открыл глаза, и бескровные губы искривились в ухмылке.

— Представляю, что было бы, если бы хотела.

— Я... Спасибо, что не сказали мэтру Дориану.

— Спасибо — это не то, крошка Эби. С учетом обстоятельств маловато будет. А поцелуй — в самый раз.

Кровь прилила к лицу и тут же отхлынула, оставляя на коже морозный холод. Снова он за свое!

— Разве это так много? И, к слову, не больно, в отличие от...

— Хорошо, — выпалила Эби.

Решительно подошла к его кровати, чтобы быстро коснуться губами губ и закончить разговор. Но Эйден не позволил. Как только она приблизилась, взял за руку и потянул вниз, заставляя присесть.

— Не спеши. — Он погладил ее запястье. Щекотно и... неправильно так... — Знаешь, что мне странно? Браслета нет, а ты есть. Думал, сбежишь. Еще в прошлый раз. А сегодня — точно. Но нет... Значит, бежать тебе некуда. — Заглянул в глаза. — Не бьют, говоришь? Хорошо хоть не бьют. А остальное — плохо. Так плохо, что тебя из этого дома до окончания срока только силой выгнать можно. А сама не уйдешь, хоть и боишься. Боишься ведь? Страшных магов, механических людей... Меня?

Механических людей она только поначалу боялась. Магов? Ну, иногда. А с последним утверждением согласилась, молча прикрыв веки.

— Измучил? — спросил он, пальцем рисуя на ее ладони какие-то знаки. И если отрешиться от всего, сосредоточившись на его прикосновениях, окажется, что выводит одну за другой буквы ее имени. — Проходу не даю? Надоел со своими предложениями?

Эби кивнула.

— Не буду больше, хочешь? Но за это — еще один поцелуй.

Снова кивнула. Лучше уж так.

— Оказывается, с тобой можно договориться, — улыбнулся Эйден. Приподнялся навстречу, и Эби зажмурилась... А он легонько провел пальцами по ее щеке, убирая упавшие

на лицо волосы и шепнул на ухо: — Знаешь, там, честно, есть что-то похожее на дом. Покажу в следующий раз...

И лишь потом поцеловал.

Ничего ужаснее этого поцелуя с Эби еще не случилось, потому что... нельзя так... Но она обещала. И терпела... От первого легкого прикосновения сухих, колючих от трещинок губ... и до последнего... Даже когда задыхалась, вместо воздуха глотая его дыхание. И когда голова закружилась, а по телу горячей волной разлилась слабость. Нет, она не обнимала его, вовсе нет — просто нужно было схватиться за что-то... за кого-то, чтобы удержаться на краю внезапно нахлынувшего бессилия... И не отвечала ему... совсем... почти... А собравшись с силами, все-таки оттолкнула.

— Это — первый, — хрипло выговорил Эйден, откинулся на подушки и закрыл глаза. — А второй... Потом. Я скажу когда.

Не дожидаясь, чтобы он сказал «Сейчас!», девушка вскочила с кровати и вылетела за дверь.

— Эбигейл! — окрик мэтра Дориана застал ее на лестнице. — Как там Эйден?

— Он... — Эби облизала внезапно пересохшие губы. — Думаю, ему уже лучше.

К полудню Эйден чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы спуститься в лабораторию к Дориану.

— Вот не помню, — нахмурился маг, когда Мерит открыл дверь, — я говорил вам шифр замка?

— Нет, — беззастенчиво признался молодой человек.

— И как вы...

— Клавикорд. Во времена моего детства было модно обучать детей музыке, а у меня, как выяснилось, имелись задатки.

— И? — продолжал недоумевать Лленас.

— Абсолютный слух. Можно по щелчкам просчитать всю комбинацию. А если нет, то, когда затворы выходят из пазов, слышится характерный звук.

— Да? — удивился маг. — Характерный? Нужно заняться этим... как-нибудь... Клавикорд, значит. И вы до сих пор играете?

Очевидно, он понятия не имел, что за инструмент назвал Эйден, так как, спрашивая, изобразил жестами нечто, напоминающее жестокое распиливание скрипки.

— Нет. Но слух остался.

Когда уши не закладывает предвестником очередного приступа. Эйден промолчал об этом.

Они оба избегали неприятной темы, и Дориан отнюдь не по рассеянности забыл поинтересоваться его самочувствием. Махнул рукой, показывая на стол:

— Взгляните, что мне доставили. Весы! Рычажные, пружинные... эээ... других, кажется, еще не придумали... Да?

Мерит пожал плечами: в механике он разбирался не больше, чем мэтр Лленас в музыке.

— Зачем они вам? — полюбопытствовал он.

— Для Джека. Эбигейл сказала, что он разбил две чашки. Решила, что это от недостатка опыта. Что она понимает! Проблема в другом. Помните, как было со зрением? Информация поступает в искусственный мозг окольными путями. Джек вынужден сначала запомнить предмет и его основные характеристики: вес, объем, степень хрупкости. Но ведь было бы

куда проще, если бы он мог сам оценивать эти свойства. На вид — ему это уже под силу. На слух. Обоняние я вложил в него изначально вместе с характеристиками ядовитых газов... А осязание? Он не чувствует вещи, которой касается.

«Не чувствует», — вспомнил, поежившись, Эйден.

— Я это исправлю! Весы — это же так просто. Дополнить суставы пружинами, которые будут сжиматься и растягиваться с каждым движением, — это даст Джеку ощущение собственного тела и представление о весе и плотности предметов, с которыми он соприкасается. Система рычагов стабилизирует равновесие. Информация будет поступать в мозг. Я уже вписал в исходные данные ограничения по массе, чтобы он не повредился, взявшись за неподъемный для него вес. Джек сильнее обычного человека, но силы его не безграничны... А вот с тактильными ощущениями пока сложно. Я думаю снабдить подушечки его пальцев короткими пружинками, реагирующими не только на давление, но и на изменение температуры, но мне кажется, этого недостаточно.

— Недостаточно?! — ошеломленно воскликнул Эйден. — Вы даете ему чувства... ощущения, приближенные к человеческим. Вы создаете тело, которое скоро превзойдет те, что клепает мать-природа, и не удовлетворены своей работой?

— Ну-у-у... — маг развел руками. — Мои датчики слишком грубы. И кожа — кожа, это ведь так важно. А кожа Джека — всего лишь чехол. Он не ощущает холода и жары, влажности... Да и не стоит даже пытаться соперничать с Творцом. Человеческое тело — совершеннейший механизм...

Он задумался. Как будто погрузился, понурился, но когда поднял глаза, Мерит не увидел в них тоски — только азартный огонь.

— Позвольте открыть вам секрет, Эйден? Джек — уже пройденный этап. Сейчас меня занимает другая идея.

Молодой человек слушал не перебивая, а когда маг закончил, честно сказал:

— Воля ваша, Дориан. Но я бы остерегся. Творец не любит конкурентов. Искусственное тело — полбеда, а вот искусственная душа...

Но что бы он ни говорил, мэтр Лленас уже принял решение, и вряд ли чье-то мнение могло его изменить.

Эби худела. С ней всегда так бывало от нервов. А нервничала она в последние дни столько, что платье уже болталось, а на осунувшемся лице одни глаза остались.

Из-за чего? Из-за Эйдена, конечно.

Нет, слово свое господин Мерит держал: ни намека, ни нескромной улыбки. Только изредка, во время занятий с Джеком, вдруг отвлекался от всего, умолкал, если до того говорил что-то, и смотрел на нее.

Всего лишь смотрел. А от прищуренных медовых глаз разбегались лукавые морщинки. И губы еще — приоткроет, словно сказать что хотел, и тут же прикусит нижнюю, будто передумал...

Губы у него сухие, жесткие... поначалу... Горячие...

Дыхание жаркое...

И взгляд...

Требовал бы уже свой второй поцелуй, и дело с концом!

Так нет же, смотрит.

А у Эби огонь по щекам разливается. И ладно бы только по щекам...

Хоть иди и сама целуй, чтоб не мучиться больше.

И поцеловала бы — невелика проблема. Можно подумать, Эби до этого не целовалась никогда.

Целовалась. Аж два раза, между прочим. Первый — давно, еще когда в деревне у деда жили, с мальчишкой одним... уже и не помнила, как его звали, только как вишни вдвоем ели, и губы его в вишневом соке, липкие... И как он с дерева слетел, когда она его за этот поцелуй ногой пнула. А второй раз — в прошлом году с Куртом. Тоже пнула, но несильно уже...

А с Эйдемом, получалось, уже три раза.

И в четвертый раз поцелуется, а потом и думать забудет...

— Снова не ешь ничего? — пожурил господин Блэйн. — А я-то старался.

— Не хочется, — извинилась Эби. Запеканка выглядела аппетитно, но от запаха начинало тошнить, а если попробовать, то и вывернет, наверное. — Приболела, видно.

— Знаю я такие болезни, — нахмурился повар. — Была б ты моей дочкой — враз вылечил бы. Ремень бы стянул и вылечил.

— Вы о чем это? — Широкого кожаного ремня он лишь коснулся, но Эбигейл на всякий случай отодвинулась.

— Да о том! — сердито выговорил мужчина. — Или думаешь, раз дядюшка Блэйн всего на пару часов заходит и из кухни носа не кажет, так он и не видит ничего? Например, как ты, дуреха, вокруг молодого господина увиваешься? Бегаешь за ним, что та собачонка, в глаза заглядываешь... Тьфу! Совсем стыд потеряла!

У Эби от обиды зубы свело. Это она-то бегаешь? Она заглядывает?

— Хоть бы подумала, зачем ты ему сдалась, — не унимался повар. — Понятно зачем. Поиграется да выбросит — ему не впервой. Знаю я...

— Что знаете?

— Много чего знаю. — Господин Блейн отвернулся, вернувшись к нарезке капусты. — И об Эйдене твоём... ничего хорошего. Но не жди, что рассказывать буду. Просто запомни: ты ему не нужна. А он тебе — и подавно. Уяснила?

Естественно, от таких разговоров аппетита у Эби не прибавилось.

Мэтр Лленас по праву гордился своей лабораторией, за долгие годы (и немалые деньги) снабженной лучшим в Линкарре оборудованием, но гость лишь бегло огляделся и выговорил с косой ухмылкой:

— У вас тут мило.

— Благодарю.

Сказать честно, с тем же насмешливым пренебрежением сам господин Дориан относился к имперам. Позеры. В создании импов или, как сейчас чаще говорили фамильяров, иного смысла, кроме как выделиться, он не видел. Но не мог не признать, что смотрелся мэтр Закери Кит эффектно: тонкое алебастровое лицо, мертвенную холодность которого дополняли бескровные губы и льдисто-голубые глаза, иссиня-черные волосы до плеч, черный же костюм и маленький золотистый дракончик на плече — с длинным, кончающимся острой пикой хвостом, перепончатыми крылышками и изумрудными глазками в тон камню, сверкавшему в перстне мэтра Закери. К тому же и некромантия — специальность особая. Как бы предполагает.

Но принимать гостя следовало все же в библиотеке: взгляды, которые он нет-нет да бросал по сторонам, хозяина раздражали.

— Чай? Кофе? Что-нибудь покрепче?

— Воды, — соизволил господин Кит. — В глубокую миску. Для Ноа. Ну а мне можно и что покрепче.

Пришлось выйти в холл и позвать Эбигейл. После ждать, пока она принесет сначала поднос с бокалами и бутылкой бренди, а затем — небольшой медный таз.

Дракончик, завидев воду, тут же спорхнул с плеча хозяина.

— Можешь идти, Эби, — поторопил мэтр Дориан застывшую с приоткрытым ртом девицу, иначе та полдня простояла бы, любуясь плещущимся в тазу импом.

Выпроводив служанку, вернулся к гостю.

— Не хотелось бы тратить ни свое, ни ваше время, мэтр Закери, поэтому, с вашего позволения, перейду сразу к делу. Наш общий знакомый, доктор Горик, рекомендовал мне вас как лучшего в Салджворте специалиста в вопросах жизни и смерти, а также посмертия.

— Так и есть, — без ложной скромности согласился некромант. — В письме вы указали, что хотите обсудить мои работы, и намекнули на некое нестандартное использование результатов проведенных мной исследований.

Дориан стушевался. Он и не подозревал, что послание содержало какие-то намеки, но, очевидно, составляя приглашение, непреднамеренно выплеснул на бумагу бурлившие в голове мысли.

— Да, есть некоторые идеи, — вынужденно согласился он. — Но позвольте пока ими не делиться. Как и я, в свою очередь, не прошу вас раскрывать мне какие-либо секреты. Речь лишь о тех ваших работах, которые уже обнародованы. Отдельные аспекты мне непонятны, хоть я и старался вникнуть. У меня иная специализация, как понимаете...

— Вас интересует ледяное дыхание гор?

— И прочие случаи гибели или, если хотите, отторжения души при сохранении телом жизнеспособности, — дополнил Лленас. — Я прочел о двоедушниках, тот раздел, где говорится, что после смерти человеческой личности тело продолжает жить, управляемое вселившимся в него духом. О личах, хоть это, признаюсь, совсем не то... или не совсем то...

Но для начала я все же хотел бы поговорить о ледяном дыхании.

Мэтр Закери с любопытством вздернул бровь:

— Разжились материалом на аукционе? — И тут же сам разъяснил, по лицу собеседника угадав, что тот не понял вопроса: — Не так давно на перевале Каримах караван гилешских беженцев угодил под дыхание гор. Тела были найдены нашими наблюдателями, которые отслеживали это явление, и, поскольку родственники по понятным причинам за ними не явились, переданы Пяти Академиям. Салджвортская отхватила себе одиннадцать экземпляров. Я выкупил один. Еще по одному взяли, как я знаю, мои коллеги. А ваш приятель Ранбаунг — сразу четыре. Не знаете, зачем ему столько?

— Он изучает возможность замены больных органов у людей, — ответил мэтр Лленас. Тайной это не было, работы Алистера проводились с одобрения совета Академии при участии кафедры целительства. Хоть и странно, что профессор теормага взялся курировать подобный проект. — А какова была цена на тела?

Ранбаунг возмещения не требовал, но мэтру Дориану было интересно, сколько он задолжал другу за помощь.

Сумма оказалась значительной.

— Я не против поделиться знаниями, — вернулся к прерванной теме мэтр Закери, — но хотелось бы взамен получить что-то, помимо удовольствия от общения с вами.

— Что, например? — насторожился Дориан.

— До меня дошли слухи о некой охлаждающей машине. Работая со скоропортящимся материалом, я весьма заинтересован в подобном устройстве.

В итоге визит некроманта принес господину Лленасу больше выгоды, чем он рассчитывал. Во-первых, удалось заполнить лакуны в интересовавших его вопросах. А во-вторых, он получил заказ на сборку и установку холодильного шкафа, в котором — а он и не додумался! — хранить можно не только еду.

До этого дня Эби была уверена, что драконы существуют лишь в сказках. А сегодня сама увидела. Не жуткое чудовище, а милый такой, забавный.

— Ты не представляешь, Джек, как мне хотелось его погладить!

Джек не представлял. Вежливость ему настроили, а воображение — нет. Поэтому он только кивал вежливо, а Эби рассказывала, рассказывала, рассказывала...

Пока не разрыдалась, упав на твердую грудь механического кавалера, в которой что-то трещало и постукивало — видно, железное его сердце. Но железное сердце — не беда, у некоторых вот вообще сердца нет...

— Хорошо тебе, — всхлипывала она. — Безмозглый, бесчувственный. И я так хочу... И земляники. Есть не хочу, а земляники — страсть как...

Сезон как раз. Жила бы у деда в деревне, уже сто раз в лес сбегала бы. А в городе такой ягоды и не знали. Клубнику садовую продавали — но это не то. А еще за дядькиным домом шелковица росла. Пацаны ее чуть ли не с зелена обносили, но в прошлом году и Эби горстка ягодок досталась. А теперь — ничего. Земляника в деревне, шелковица в Освине, а у мэтра Дориана в саду только цветочки. Можно было бы господина Блэйна попросить принести чего-нибудь, но с ним даже разговаривать не хотелось.

— Надо же такое придумать, — жаловалась она на повара, размазывая слезы по пиджаку механического человека. — Ремнем меня...

— Надо же, — повторил с уверенностью Джек.

Девушка резко вскинула голову, и он, посмотрев, точнее, сделав вид, что смотрит в ее

заплаканное лицо, выговорил:

— Ты красивая, когда улыбаешься. Не улыбаешься — не красивая.

И зачем-то ткнул ее пальцем в щеку, туда, где остался влажный след.

Эби хотела возмутиться, только что с ним, безмозглым, спорить?

Но обиделась.

Когда к дому шли и Джек по привычке розу сорвал, не взяла.

Эйдена Эби с утра не видела, а к обеду выяснилось, что и мэтр Дориан не в курсе, куда подевался господин Мерит.

— Он вообще выходил? — спросил он то ли у служанки, то ли у самого себя.

Девушка растерянно пожала плечами.

— Не ел? Не просил кофе или чая? И с Джеком ты занималась сама?

— Я думала, так надо.

Маг поглядел на нее, на жаркое, что она уже разложила по тарелкам, на пустой стул Эйдена...

— Поднимись к нему, — медленно выговорил он. — Спроси, спустится ли обедать.

Выйдя чинно из столовой, в коридоре Эби ускорила шаг, а по лестнице уже бегом бежала...

— Стучать...

Девушка застыла, не успев переступить порог зеленой спальни.

— ...нужно.

Она послушно постучала в уже распахнутую дверь.

— До того, как входишь.

— Господин Дориан просил узнать, спуститесь ли вы к обеду, — выпалила Эби скороговоркой, одновременно и радуясь, что вот он, сидит в кресле с книжкой, может, и не совсем здоровый, но уж точно живой, и злясь на него за свой испуг.

— Как думаешь, — спросил Эйден, — он существует?

— Мэтр Дориан? — переспросила она. — Мне кажется, что да.

Мужчина слабо улыбнулся, но тут же сделался вновь серьезен.

— Он, — указал взглядом на люстру. — Творец.

— Существует, — ответила девушка уверенно.

— Откуда ты знаешь?

— Мы же есть? Значит, есть и тот, кто нас создал.

— Логично, — согласился Эйден, поразмыслив. — Творец — тот, кто творит. А почему люди вдруг решили, что после сотворения он должен еще и заботиться о них?

— Ну-у... Вот господин Дориан, например, сделал Джека. Ему же будет жаль, если с ним что-то случится, да?

— Пока он ему не надоест. А когда надоест, разберет по винтикам.

Эби не хотелось, чтобы Джека разбирали по винтикам, но сейчас ее беспокоило совсем не это.

— Давайте я его позову, и он вам сам расскажет? — предложила она. — И про Джека, и про Творца. Он — человек ученый, а я... я уже год в храм не хожу, после того, как у меня там кошелек украли...

Дядька орал тогда. Обвинял, будто она деньги припрятала, а про покражу соврала. А деньги-то ей на обувку были — так и ходила чуть ли не до снегопадов в легких ботинках.

— Не зови, — покачал головой Эйден. — Сам сейчас спущусь.

Но не спустился.

Эби передала его слова хозяину, а потом прислушивалась с кухни. Минуту, две, три... После мэтру Дориану надоело ждать, и он пошел наверх. И сразу же зазвонил колокольчик.

Девушка помчалась на второй этаж, но выглянувший из комнаты Эйдена маг завернул ее еще на лестнице: потребовал чистых салфеток и какой-нибудь таз. Эби дала тот, в котором плескался золотой дракончик. Подумала, что это как-то поможет...

А через час по звонку забрала от закрытой двери ворох перепачканных кровью тряпок и этот таз, с растекшейся по дну багровой жижей.

Больше господин Дориан ничего не просил, но просидел у Эйдена до самого вечера.

А Эби — на лестнице, прямо на ступеньках, на случай, если ее все-таки позовут...

Адалинда планировала провести день, изображая перед прислугой добропорядочную жену и хозяйку дома, а вечером представление должно было продолжиться в салоне госпожи Дригген. Но чувства говорили, что она нужна в другом месте.

Не обманули.

Красные, давно забывшие о сне глаза. Рассеянный поцелуй. Вымученная улыбка.

— Дориан, ты совсем себя не жалеешь. Нельзя так!

Она застала мэтра в лаборатории, и неизвестно, сколько дней подряд он провел там.

— Нет, это не работа. — Он выглядел совершенно обессиленным. — Работа стала. Я даже пытался записывать...

Горстка пепла на закопченном подносе наглядно демонстрировала бесполезность записей.

— Эйден? — поняла женщина.

— Вчера было очень плохо. А все, что я могу, — унять боль, и то ненадолго.

— Есть опий, другие средства...

Она пыталась помочь, но он решительно покачал головой в ответ:

— Нет. После того, через что ему пришлось пройти, для Эйдена важно оставаться в полном сознании. До конца. И я обещал ему.

Мальчишка появился весьма некстати. Будто не мог умереть попозже или уж поторопиться с этим и не портить жизнь человеку, которому и без того многим обязан.

Хотя не вмешайся Дориан в свое время, Эйден Мерит уже отмучился бы. Не мстит ли он ему теперь за свое затянувшееся существование?

— Может быть, тебе прилечь? — предложила Адалинда магу. Никаких фривольных намеков: постель и здоровый сон, как минимум до завтрашнего утра.

— Нет, не хочу. Мне бы кофе. Я сварил себе в аппарате... Знаешь, прежде мне казалось, что он совсем неплох. Но за месяц успел привыкнуть к тому, что делает Эбигейл. А она сейчас в саду, прогуливает Джека вместе с Эйденем. Пусть уж лучше присматривает за ним...

— Если проблема только в этом, я с удовольствием побуду твоей кухаркой, — улыбнулась она. — Заодно выброшу этот мусор.

Пепел Адалинда вытряхнула в мусорное ведро, а поднос оставила на столе: прислуга разберется.

Отыскала зерна кофе и ручную мельницу.

— А это у нас что?

Присев, женщина подняла с пола маленький блестящий диск с отверстием в центре. Когда-то ей уже приходилось видеть нечто подобное.

Решив, что разберется с этим позже, Адалинда спрятала находку в карман.

После случившегося Эби удалось задремать лишь к рассвету, и показалось, что колокольчик мэтра Дориана зазвенел, стоило ей закрыть глаза. Неудивительно, что весь день она была медлительна и рассеянна, но хозяин, сам усталый и не выспавшийся, этого не замечал. Ни слова не сказав об Эйдене, после завтрака он заперся в лаборатории, и Эби подумала, что это, наверное, неплохо. Ведь если бы было плохо, мэтр не молчал бы и работать бы не пошел.

Не зная, чем занять себя и не рискуя без распоряжений подняться наверх, она до полудня просидела в своей комнате.

Слышала, как пришел и возился в кухне господин Блэйн, но теперь ей неприятно было встречаться с ним.

Книга, которую она взяла в библиотеке, оказалась скучной и грустной, и ее не оставляло чувство, что к концу все герои умрут.

Мысли были не веселее книги...

Когда в полдень в дверь постучали, она с радостью бросилась открывать, надеясь, что в саду в компании Джека удастся немного развеяться или, по крайней мере, выговориться от души, выпустив на волю снедавшую душу тревогу. Но, кроме механического человека, в коридоре ее ждал еще и Эйден.

— Время прогулки, — напомнил он коротко. Развернулся и пошел к черному ходу.

Джек, который даже не поздоровался, побрел за ним следом.

Оба выглядели одинаково неживыми.

В саду господин Мерит уселся на скамейку под липой. Откинулся на спинку и прикрыл глаза. Механический человек присел на другой край скамьи, в точности скопировав его позу. Только стеклянные глаза оставались открыты.

Об Эби оба как будто забыли, и ей ничего не оставалось, кроме как молча стоять рядом.

Долго-долго.

Она уже думала, что так и придется топтаться на месте все два часа, когда Эйден вдруг заговорил.

— Тут есть садовник, — сказал он, не открывая глаз. — Определенно есть. Кто-то же ухаживает за цветами. Но я никогда его не видел. А ты?

О том, что садовник приходит раз в неделю, Эбигейл слышала от хозяина еще в первый день, но так ни разу его и не встретила. Как и полосатую кошку, которую можно кормить, и рыжего кота, которого следовало гнать в шею.

— Странно, да? — спросил мужчина.

— Странно, — прежде чем Эби успела ответить, согласился Джек.

Эйден его не услышал, продолжая обращаться лишь к девушке.

— Помнишь, мы говорили о Творце? Он как этот садовник. Ты знаешь, что он существует, наблюдаешь за плодами его труда, но сам он остается скрыт от нас... Но если очень захотеть, его можно увидеть, да? Садовника, я имею в виду...

Должно быть, ему еще было плохо после вчерашнего, и Эби не придавала значения этим словам. Куда больше ее волновала его бледность, нервные пальцы, которые он то и дело сцеплял в замок в тщетных попытках скрыть мелкую дрожь, темные круги под глазами и

сами глаза, ставшие тусклыми и неподвижными. Она поймала себя на том, что не обиделась бы, гляди он на нее как раньше, но он смотрел так, словно она была прозрачной, а то, что он видел сквозь нее, где-то очень далеко, наводило на него смертельное уныние. И этот взгляд был стократ хуже всех предыдущих.

— Присядь, — попросил он, и девушка, не задумываясь, подчинилась. Села на скамью между механическим человеком и человеком живым... пока еще... И руку не отдернула, когда он накрыл ее ладонь своею. — Я чушь несу, извини. Нужно заниматься с Джеком, я обещал Дориану... Но не хочется сейчас. Можешь попробовать сама, Джек тебя слушается...

— Господин Эйден, хотите чая? — спросила она невпопад. — С пирогом? Вы не завтракали, а пирог вкусный.

Вероятно, вкусный. Эби заставила себя с утра прожевать кусочек, но даже не поняла, с какой он начинкой. То ли яблоко, то ли айва.

— Видимо, я все-таки боюсь, — сказал Эйден, пропустив мимо ушей ее предложение. — Думал, что уже не боюсь, но...

Она тоже сделала вид, что не услышала его слов.

— Хотите, я вас поцелую?

Он медленно повернулся. Посмотрел на нее. Не так, как раньше, но уже и не сквозь...

— Хочу. Но если ты сама меня поцелуешь, это не будет считаться. Все равно будешь должна еще один поцелуй, когда я скажу.

— Тогда не буду, — решила Эби.

С Джеком они не занимались. Механический человек просидел все отведенное на учебу время на скамейке. А Эйден согласился все же на чай и кусочек пирога. Сжевал, морщась, и сказал, что начинка, наверное, грушевая...

На вечер к госпоже Дригген Адалинда шла не только затем, чтобы лишний раз явить себя салджвортскому высшему обществу добропорядочной замужней дамой, но и чтобы встретиться кое с кем.

С кем именно, она сама не знала, пока не увидела. А когда увидела, было уже поздно.

— Адалинда, звезда моя! Как всегда, обворожительна. Столько лет прошло, а ты... Кстати, сколько лет прошло?

Она ответила бы, но Келлар, прилежно отыгрывавший роль любящего супруга, возник рядом, едва она открыла рот.

— Милая, представишь меня своему знакомому?

«Знакомый» прищурил ярко-синие глаза, лихо, по-драгунски, крутанул пшеничный ус и щелкнул каблуками:

— Фредерик Валье к вашим услугам.

— Форест Келлар.

— Мой муж, — с неприязненной гримасой дополнила женщина. Впрочем, лицо ее не слишком смягчилось, когда она, указав на красавчика-кавалериста, пояснила уже для Келлара: — Мой бывший муж.

— Как? — наигранно удивился председатель заздравного комитета. — Покойный офицер в отставке?

— Идите, Форест, — попросила она ласково. — Поупражняйтесь в остроумии с одной из местных дурочек.

— Покойный? — переспросил после его ухода Фредерик. — В отставке?

— С тех пор, как я дала тебе отставку, ты для меня умер. Я понятно объяснила?

— Более чем, — усмехнулся мужчина.

Когда они вышли из заполненного людьми зала на пустую террасу, он, невзирая на парадный мундир, не походил уже на драгунского офицера, а выглядел тем, кем и был на самом деле — скользким изворотливым змеем. Но мундир ему шел. Как и фрак. Как и сутана. Как рубище нищего или лакейская ливрея. Точно так же, как самой Адалинде шла любая из ее личин.

— Кое-кто считал, что ты мне обрадуешься.

— Кое-кто ошибся, — пожала плечами женщина. — Хотя... Лет и правда прошло немало. А я не злопамятная.

— Я тоже, — широко улыбнулся «драгун», демонстрируя ровные белые зубы. Даже лучше тех, что она ему выбила, застукав с той актрисулькой.

— Времени мало, давай к делу. Мой запрос рассмотрели?

— По встрече с Рисеттом? — уточнил Фредерик. — Да. Ответ положительный. Раз ты утверждаешь, что оно того стоит...

— Оно того стоит. А что с моим рапортом?

— Именно из-за него я здесь. — Мужчина церемонно поклонился. — Странное желание уйти в отставку на пике карьеры, дорогая. Я должен убедиться, что это именно твое желание.

Адалинда поморщилась, предвидя неприятную процедуру:

— Начинай.

Холодные пальцы лже-кавалериста коснулись висков. В ушах загудело, а перед глазами поплыли разноцветные круги.

К счастью, продолжалось это недолго.

— Чисто, — с удивлением отметил мужчина. — Но твое общее состояние мне не нравится. Аура блеклая, истощенная...

— Если хочешь понять причины, сними цепочку с оберегом святого Луки хотя бы на неделю. Тогда и поговорим.

— Думаешь, я не работал под блоками? — невозмутимо ответил бывший супруг. — Я знаю, как это действует на организм и астральное поле. Но с тобой что-то не то... Ты не беременна?

— Нет, конечно же.

— Мало ли. — Фредерик передернул плечами. — Долго ли умеючи?

Не будь она сейчас так слаба, ударила бы его за эту насмешку. Пусть бы потратился еще на один комплект зубов. А так пришлось собрать злость в кулак и спрятать в карман.

А из кармана достать взамен найденный в доме Дориана дырявый диск.

— Взгляни. — Она показала находку мужчине. — Знаешь, что это?

Он хмыкнул в ус. Кивнул:

— Знакомая игрушка. Надеюсь, ты ее отключила?

— Поддержала над огнем. Этого хватит?

— Вполне.

— Чья она? — спросила Адалинда.

— Понятия не имею. В этом деле с каждым днем все больше заинтересованных. Так что держи ушки на макушке, лисичка.

«Фредерик Валье, бывший муж. Похоже, не шутка».

Форест Келлар подождал, пока буквы на мягком воске растают, и убрал дощечку обратно в карман.

Устроившие его счастливое супружество подстраховались от осложнений, потребовав от него клятву о неразглашении условий этого брака. На крови. По завершении дела обещали ему быстрый развод и избавление от последствий печати молчания.

Но нашлись другие, те, что сняли печать задолго до окончания срока договора. А вскорости и расстаться с супругой помогут.

— Какая прелесть. — Женщина, устроившаяся у окна уютного гостиничного номера, с улыбкой пробежала глазами поданные ей бумаги. — Адалинда следит за Лленасом, Келлар следит за Адалиндой, а вся информация, так или иначе, стекается к нам.

— Благодаря твоей предусмотрительности, дорогая Элла, — улыбнулся присевший на подлокотник ее кресла мужчина. — Закажем вина к ужину?

— Нет. Я ненадолго, хочу лишь убедиться, что все идет по плану.

— Прямо сейчас откроешь телепорт и исчезнешь? — Мужчина склонился к ней, его губы коснулись ее щеки. — Даже не взглянешь, как мы все обустроили?

— Я тебе доверяю, — промурчала она, на миг прикрыв глаза, но тут же вернулась к изучению донесений.

Доверие — слишком громкое слово, плохо соответствовавшее ее истинным чувствам, но слова — всего лишь слова и вес имеют разве что тогда, когда написаны на бумаге.

А на бумаге, которую она держала в руках, было написано...

— Фредерик, — прошипела женщина зло. Отчертила имя ногтем, с трудом поборов желание соскоблить его с листа.

— Что-то не так? — насторожился мужчина.

— Пустое, — она мотнула головой. Заставила себя усмехнуться: — Тут пишут, что Лленас нашел некроманта. Самого лучшего некроманта в Салджворте, как говорят.

— Пусть говорят, — снисходительно бросил он. — Самый лучший некромант работает на тебя, ты же знаешь.

Скромность не входила в число его достоинств, но в некромантии он действительно был силен, и уже скоро ему представится случай продемонстрировать таланты.

Дни пролетали для Эби как во сне — в полузабытьи, в вязком мареве путаных мыслей, в паутине странных разговоров.

Ни вырваться-проснуться, ни задуматься, к чему все это, зачем.

Всего лишь сон.

Временами тяжелый и болезненный. Временами легкий и полный немислимых фантазий, каким нет места в реальной жизни.

Например, брошенный на траву плед, бутылка вина и разложенная по тарелкам еда. Эйден зовет это пикником, а Эби просто знает, что ему нужно есть. И ей — тоже. А потому сидит рядом, подобрав под себя ноги, и старается не думать, что скажет мэр Дориан, если застанет их посреди ухоженного когда-то газона, теперь истоптанного вдоль и поперек Джеком, которого господин Мерит гоняет каждые пять минут на кухню, вспоминая то про вилки, то про соль... Солью он посыпает ломоть хлеба и протягивает Эби. Это единственное, что они оба могут жевать не через силу и без тошноты. А вино и закуски просто стоят — потому что так надо, потому что пикник...

Во время одного из таких пикников в их сон заглянул Творец-садовник.

Вошел в калитку, толкая перед собой тележку с инвентарем, и с ходу взялся окучивать какие-то кустики и подрезать разросшиеся ветки. Как истинному Творцу, ему и дела не было до каких-то смертных, следивших за ним из глубины сада...

А полосатая кошка так и не появилась.

После садовника Эби загадала, что если придет полосатая кошка, все обязательно будет хорошо. Но та не приходила.

Джек писал теперь под диктовку на грифельной доске, а когда ему ничего не диктовали, выводил свое имя, а еще — «Эбигейл». Однажды написал «Эйден», но сразу стер. Эйден решил, что это знак. Он не сказал ничего, но Эби знала, что он так подумал. И потому, как он усмехнулся тогда, и потому, что сама подумала так же. Подумала, но не испугалась. Она ничего уже не боялась.

Кроме жившего в подвале зверя...

В ту ночь зверь словно взбесился. От его рычания пол дрожал, и Эби тоже дрожала, с головой спрятавшись под покрывало.

Она все ждала, когда чудовище утихнет, чтобы выйти из комнаты и уйти куда-нибудь до самого утра. В гостиную. Или в библиотеку — там крепкая дверь, и можно запереться изнутри. Или в сад. Куда угодно — лишь бы подальше!

Эби уже делала так однажды: пряталась в гостиной, пока не спустился разбуженный шумом мэр Дориан и не унял монстра. Может быть, он и теперь услышит.

Когда зверь перестал метаться, сотрясая стены и звеня цепями, а грозный рев сменился мерным утробным рычанием, девушка набросила на плечи покрывало и выскочила в коридор.

Шаг. Второй...

Она ступала едва слышно, чтобы зверь не учуял ее и не разозлился.

Еще шаг...

Когда она поравнялась с ведущей в подвал дверью, та неожиданно распахнулась. Яркий

свет ударил в глаза, отпечатался на фоне дрожащего сияния мужской силуэт, и в тот же миг стало темно, и лишь негромкое рычание и чье-то близкое дыхание нарушали гробовую тишину...

Эби закричала.

Закричала, попятилась, уперлась спиной в стену и, чувствуя, что ноги отказываются держать ее, начала медленно сползать на пол.

Чьи-то руки подхватили уже в самом низу. Подняли, затормозили. Прижали к пахнущей спиртом и маслом груди, крючьями пальцев вцепились в волосы...

— Ш-ш-ш-ш... Что ж ты громкая такая? Испугал? Ну все, все...

Эби попыталась вырваться, но руки, не такие уж чужие, если вспомнить, держали крепко. И волосы не рвали — гладили.

— Не бойся, все хорошо. Шум разбудил? Все, теперь тихо будет. Тихо...

Дыхание знакомое, горячее. Губы сухие — мазком по щеке. А щека уже мокрая. И внутри все клокочет, то ли от прежнего страха, то ли от нового...

— Дориан забыл о нем, закопался в работу с головой, а он тут надрывается. Хорошо, я услышал.

— П-покормил? — прошептала Эби.

— Можно и так сказать. Спирта залил.

— Спирта? — Она отстранилась, но тут же, почувствовав пробежавший по спине холодок, вернулась под защиту теплых рук. — А он после спирта не буйный будет?

— Кто?

— З-зверь... который в подвале...

— Зверь? — Эйден затрясся вдруг, мелко-мелко. Обнимает, по спине гладит и... смеется? — Бедная моя крошка Эби. Как же ты живешь тут столько времени, со зверем в подвале-то?

Укутал плотнее в покрывало, в охапку сгреб и потащил.

— Куда? — пискнула слабо девушка.

— Куда-куда — со зверем знакомиться!

Распахнул дверь в подпол, втянул Эби.

Сил противиться у нее не было. Только зажмурилась, когда, загудев пчелиным роем, вспыхнули под потолком дрожащим нервным светом большие электрические лампы.

— Эх ты, глупышка-трусишка! — Эйден бережно усадил ее на ступеньки и сам присел рядом, по-прежнему обнимая за плечи. — Зверь у нее... Ну смотри уже, фантазерка.

Эби приоткрыла глаза. Не глаза — узкие щелочки. Ресницы паутинками свет закрывают, но так почти не страшно.

Подвал большой, сухой, чистый. Стены беленые. Пол не земляной — каменный.

По одной стене полки, железки там какие-то. В углу бочки стоят.

Воздух не гнилью, а маслом машинным пропах, спиртом, кожей тертой, горячим металлом.

— Как тебе зверюга? Красавец, да?

Машина огромная. Гудит, рычит. Вблизи и не похоже на звериный рык, слышно, что аппарат вроде того, в котором мэтр кофе себе варит.

— Холодильная машина, — объяснил Эйден. — Шкаф в кухне, а отсюда по трубкам охладительный раствор идет. И там, это... не знаю... Знаю, что надо спирт залить, и масло еще...

А она спать боялась. Пряталась.

— А царапины? — Вцепилась в него, словно сама в холодильную машину верить не хочет. — В комнате у меня весь пол исполосован, доски в крови...

Эйден поглядел на нее и улыбаться перестал.

— Это, крошка Эби, другая история. О другом звере.

Обнял крепче, к груди прижал, чтобы она в лицо ему не смотрела. По волосам погладил.

— Рассказать?

— Расскажи.

Самое время страшные сказки слушать.

Лампы гудят, рычит зверь-холодильник.

А под щекой бьется гулко чужое сердце... Или не чужое уже?

— Давно... Да нет, не так уж давно, четырех лет не прошло... В общем, это была моя комната.

Эби дернулась — голову поднять, в глаза заглянуть — не пускает.

— Я до этого в столице жил. Сначала в фамильном особняке. Два этажа, сад с Парламентскую площадь. До этой самой площади — десять минут пешком. В самом центре, считай... А потом на окраину переехал. В лечебницу для душевнобольных. Тоже сад. Стены вокруг. Сиделки в чепчиках... Только я этого не помню. После интересно стало, съездил посмотреть. А тогда — ничего. Вчера был, а сегодня нет меня. Тело есть. Ходит, руками машет, жрать просит... А души нет. Маленький огрызок остался — памяти на доньшке, чувства... Да какие там чувства? Голод. Холод. Страх. И злость. Когда страшно, всегда злость...

Когда страшно — мороз по коже. Зубы стучат. Руки трясутся.

Одна радость: покрывало на плечах, а сверху — ладони теплые...

— Самое сильное проклятье — то, что на крови и через смерть сделано. Это мне Дориан потом объяснил. Он по делам тогда в столицу приехал, доктора знакомого встретил, а тот ему и рассказал. Случай, мол, любопытный... Дориан тоже любопытный. Он первый проклятье и увидел. Оно въелось уже, прижилось. Может быть, если бы раньше... Но Дориан упрямый, если в голову что вобьет... Поначалу в лечебницу приходил. Потом договорился как-то, что меня с ним в Салджворт отпустили. Наверное, думали, что на опыты отдают. Он ту комнату приготовил. Решетки на окна поставил, запор на дверь... Я сбегать пытался, не спрашивай, не знаю — куда, зачем... Или головой о стены бился и вены грыз. Это ведь все равно что сбежать, да? Только навсегда уже... Не отпустил. Машину какую-то собрал. Он же без машин не может... Тут уже помню немного: провода, иголки. Молния... Больно, но после — точно туман развеивается. Стал понемногу в себя приходиться. Чувства вернулись... какие-то... Память... Сначала ненадолго: час-два, и снова все забывал. Дориан мне даже картинки в уборной сделал, чтобы я знал, что зачем... Не все ж за мной, как за младенцем, ходить? Потом без картинок как-то... Ложку вспомнил. Вилочка он мне долго не давал. И ножом тоже. Но после — ничего. Видишь, без поводка гуляю. Без намордника. Не кусаюсь...

А сам зубами за ухо ухватил легонько — смеется уже.

Только Эби не весело. Совсем.

— Не нужно было говорить, да? Просто не хотел, чтобы ты себе всякие ужасы придумывала.

Или выговориться хотел. Бывает, давит что-то на сердце, и молчать силы нет. Но и сказать не всегда духу хватит...

— Все равно это — дело прошлое. У меня и бумажка есть про то, что я в своем уме, все столичные доктора подписались.

Снова смеется.

— А проклятье? — Эби выкрутилась все-таки, подняла на него мокрые глаза.

— Проклятье? — Улыбка застыла на его губах как приклеенная. — А что с ним станется? Тоже при мне. И на это бумажка есть, от тех же докторов. По-научному — три листа записей. Мозговая опухоль... тра-та-та... извлечению не подлежит... тра-та-та... профилактика, режим, воздержание... Чушь собачья, неинтересно. Да и поздно уже... Во всех смыслах поздно. Пойдем-ка, я тебя в комнату отведу. Бояться не будешь после моих рассказов?

Поднялся со ступенек, ее поднял.

Ручку какую-то вниз потянул, и темно стало.

И в коридоре темень.

И в комнате у нее...

— Хочешь, лампу тебе зажгу? Со светом не так страшно.

— Не нужно.

Потому что неправда — со светом страшнее.

А так...

Так хорошо.

Руки теплые. Дыхание жаркое. Губы растрескавшиеся...

— Эби, ты... знаешь же, так не считается...

Не считается. Потому что сама.

Значит, второй поцелуй все равно должна будет.

Потом.

Все долги потом.

И ему. И Творцу в храме свечку — золоченую, по полрейла штука... Чтобы сразу за все...

За поцелуи, которые не в счет.

За покрывало, на пол соскользнувшее.

За шепот горячий... свой ли? Его?

За страх, лишь на миг вернувшийся и сгинувший в темноте...

Все потом.

А сейчас только губы жадные... Ее? Его?

Пальцы, в волосах запутавшиеся...

Щетина колючая — по шее, по груди...

А простыни холодные отчего-то. Упала голой спиной — как в сугроб. Вздрогнула... Но не успела замерзнуть: накрыло сверху теплом. И огонь внутри на это тепло отозвался...

И забылось все вдруг... На мгновение? На вечность?

И светло стало... Тьма вокруг, глаза зажмурены, а ей светло... И так... так... так...

Вцепилась в мокрые его плечи, выгнулась, застонала... И вскрикнула тихо. Не от боли — от обиды, наверное. Словно было что-то, должно было быть... Но мимо прошло, лишь едва коснувшись...

Нет, не заплакала. Просто слезы сами собой из глаз покатались. А губы, родные, нежные, со щек эти слезы снимали. И щетина кололась. И уши горели от незнакомых ласковых слов...

[Купить полную версию книги](#)